Проф. И. М. КУЛИШЕР

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

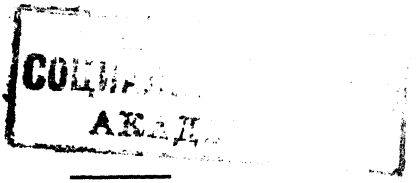
ПЕТЕРБУРГ
1922

Проф. И. М. КУЛИШЕР

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

165681

„ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА“
ПЕТЕРБУРГ
1922

16
91

Р. Ц. № 2282. 5.000 экз.

Тип. „ГОЛОС ТРУДА“ Петроград Ярославская 1/9.

Глава I.

Возникновение и функции денег.

Еще несколько лет тому назад мы с удивлением читали о том, как одной парижской певице, гастролировавшей на Полинезийских островах, заплатили за концерт кокосовыми орехами и бананами, мясом дикой козы, индюками, быками, свиньями и всевозможными иными продуктами, или о том, как совершается обмен в центральной Африке. Когда Камеруну нужно было нанять лодку на берегу озера Танганика, то владельцы ее потребовали уплаты слоновой костью. Но слоновой кости у него не было и, хотя он узнал, что Магомет-Ибн-Саид имеет слоновую кость, но и это нисколько не улучшало дела, ибо последний желал обменять ее на сукно, а сукна у Камеруна также не оказалось. Но к счастью ему сообщили, что Магомет-Ибн-Гарид владеет сукном и нуждается в проволоке, которая у Камеруна имелась, так что обмен мог состояться. Камерун дал Магомету-Ибн-Гариду требуемое количество медной проволоки, он передал Магомету-Ибн-Саиду сукно, а последний дал Камеруну слоновую кость, которой и было уплачено за лодку.

К этим разсказам обыкновенно прибавляли, в виде пояснения, насколько сложен такой обмен и как часто он вообще состояться не может. Если бы у одного из договаривавшихся слоновой кости не оказалось или если бы владелец последней не нуждался в сукне, то Камерун не мог бы заплатить за лодку.

В настоящее время такого рода рассказы уже не вызывают у нас удивления, и об'яснять, какие затруднения,

возникают при таком способе обмена, не приходится. Мы все это сами испытали и знаем, к чему это приводит. Оплата натурой у нас и теперь еще практикуется, причем приходится нередко брать совершенно ненужные нам предметы. А крестьяне, привозившие в город продукты, нередко отказывались принимать деньги, а требовали непременно продуктов и притом определенного рода. Кому из нас не приходилось обменивать хлеб на сахар, а сахар на соль, чтобы получить муку, или добывать подобным же образом материю, чтобы заплатить ею за какие-либо продукты?

Таковы неудобства натурального обмена, где нет какого-либо общего платежного средства, охотно принимаемого всеми и каждым. В последнем случае, хотя бы данное лицо и не нуждалось в этих предметах, оно берет их в расчете на то, что и у него их возьмут при уплате за всякого рода товары или услуги.

Однако первоначальное возникновение денег относится не к области обмена; они возникли впервые не в качестве орудия обмена. Факты из жизни первобытных народов свидетельствуют о том, что обмен появляется сравнительно поздно, что долгое время люди не умели вступать в обмен, не желали отдать другому то, что им принадлежало. Между тем разного рода платежи уже тогда существовали. Производилась уплата дани покоренным населением, уплата податей предводителю племени подвластным населением, возмещение нанесенных убытков, уплата виры за совершенное преступление, наконец происходил обмен подарками при заключении мира между племенами.

Во всех этих случаях устанавливается обычай совершать уплату известными, определенными предметами. Вследствие этого, такие предметы легко приобретают и другие качества. Они становятся не только платежным средством, но и средством сбережения ценностей, ибо они прячутся в укромном месте, зарываются в землю, чтобы в случае необходимости ими можно было пользоваться для производства платежей. Вместе с тем, в виду их редкости, и богатство оценивается на эти предметы, измеряется количе-

ством их; так что деньги становятся и мерилом ценности.

Только в этой своей функции мерила ценности они действуют первоначально и в обмене. В древнем Египте предметы обменивались на предметы без посредства денег. Последние в виде кусков медной проволоки служили лишь тем мерилом, в котором устанавливались цены различных продуктов; каждый из них приравнивался к большему или меньшему количеству этих кусков меди. Такую роль одного лишь мерила ценности деньги и в настоящее время играют у различных народов центральной и восточной Африки, где они еще не успели превратиться в орудие обмена.

Лишь с дальнейшим развитием обмена деньги становятся и средством обращения ценностей или орудием обмена. Являясь на рынок, средневековый ремесленник уже платит за приобретаемые им у крестьянина припасы деньгами и в свою очередь получает от заказчика не хлеб, скот и иные предметы потребления, хотя бы оцененные уже на деньги, а самые деньги. Впрочем, такое изменение совершается лишь постепенно и еще в конце средних веков мы можем встретить в западной Европе натуральный обмен, т. е. обмен продуктов на продукты без участия денег.

Однако дальнейшее развитие хозяйственной жизни находится в тесной связи с применением денег в качестве орудия обмена. Все то оживление в области торговли, которое мы наблюдаем со времени открытия Америки, не было бы мыслимо, если бы наряду, конечно, с целым рядом других факторов—не имелось такого орудия обмена в лице денег. Среди этих других моментов, имевших такое крупное значение в истории хозяйственной жизни, еще большую, быть может, роль играли те же деньги в качестве последней и самой новой функции своей—деньги в виде капитала, т. е. фонда, помещаемого в предприятии и доставляющего владельцу прибыль.

Наличность крупного денежного фонда является одним из условий капиталистического хозяйства. Только когда

в эпоху первоначального накопления были созданы такие суммы и когда к этому присоединился еще своеобразный капиталистический дух, дух наживы, расчета, личной выгоды, получилось капиталистическое предприятие. В области торговли зачатки такого капиталистического предприятия мы находим уже весьма рано, в промышленности же оно появляется значительно позднее, ибо долго господствует мелкое ремесло, работающее для местного рынка. В эпоху, следующую за открытием Америки, в Европу приливает в огромном количестве серебро, позже и золото, как результат ограбления американских народов, их домов и храмов, далее путем разработки рудников в завоеванных европейцами заокеанских странах, а также вследствие выгодной, в значительной мере, контрабандной торговли, в которой туземцам навязывались те или другие предметы, независимо от их желания и по установленным европейцами ценам. Все это серебро и золото, притекавшее в Европу, здесь превращалось в деньги и помещалось в торговые, а затем и промышленные предприятия, выполняя функцию капитала.

Глава II.

Что является деньгами? Благородные металлы. Чеканка монеты. Монетная регалия.

Какие же предметы приобретают указанные нами качества, выполняют все эти функции, становятся деньгами? На это указал еще Маркс. «Форму денег,—говорит он,—принимают или важнейшие предметы привоза, в которых действительно выражается меновая ценность туземных продуктов, или предметы, которые преимущественно сбываются в обмене, как напр., скот... Нередко люди превращали других людей в орудие обмена». Те предметы в особенности, которые ьыменяваются у иноплеменников, но не производятся самим племенем, весьма легко становятся деньгами, потому что эти предметы являются для данного племени и орудием обмена, за которое оно отдает свои продукты, и мерилом ценности и богатства, так как количество их не может быть произвольно увеличено, и платежным средством внутри племени, так как все члены последнего одинаково охотно возьмут их, имея возможность приобрести за них другие предметы.

Вследствие этого, у различных народов должны были приобрести характер денег не одни и те же предметы. Этим об'ясняются рассказы путешественников о том, что у первобытных народов в каждой деревне существуют иные деньги. Раковины, бусы или материи, на которые сегодня можно купить все, что нужно, завтра уже не принимаются в обмен, так что приходится предварительно приобретать те предметы, которые являются деньгами в данном месте. Отсюда и первыми монетами у различных народов являлись

не собственные, а чужие, те, которые они получали от иноплеменников в обмен. У древних германцев римские и византийские монеты, в Англии-стерлинги, т. е. ганзейские монеты (ибо ганзейские купцы именовались остерлингами) и голландские деньги; в странах ближнего Востока до недавнего времени обращались австрийские Мария-Терезия талеры.

Еще важнее то обстоятельство, что первоначально мы никогда не находим предметов какого-либо одного рода в качестве денег. Деньгами не является напр. золото или скот, а всегда целый ряд предметов, фигурирующих в качестве денег, целая шкала товаров, обменивающихся между собой в определенном соотношении. В Дарфуре, в центральной Африке, высшей денежной единицей является раб определенного роста. Раб по ценности приравнивается к следующему количеству других денежных единиц: к 30 кускам бумажной ткани известной длины, к 6 быкам или к 10 испанским долларам. Для мелких платежей пользуются в качестве денег жестяными кольцами или нитями из раковин, из коих восемь нитей равняются по ценности куску бумажной ткани. При покупке жены жених платит отцу невесты как в крупной, так и в мелкой монете, обыкновенно 20 коров, раба и рабыню. Поэтому дочери ценятся больше, чем сыновья; благодаря им, отец наполняет свой хлев скотом. Здесь нельзя сказать, являются ли деньгами рабы или скот или бумажные материи или что-либо иное. В качестве денег функционирует вся совокупность этих предметов, как у нас до войны сторублевый кредитный билет, 5 рублей золотом и двадцатикопеечная серебряная монета одновременно. Такая денежная шкала, существовавшая у древних греков, представлена в Илиаде. Во время игр в честь Патрокла Ахиллес выставил в качестве приза «для победителя огнеупорный треножник огромный-войско его меж собою в двенадцать быков оценило; а побежденного мужа решил наградить он рабыней, в разных работах искусной, в четыре быка оцененной». В Новгороде единица, выражавшая ценность, была куна, куница. Для означения

более низких ценностей служили белки и векши. Но меха ценились разно, по сорту, и оттого возникли ценности более частные, как ногата и мордка—мех из ног или морд животного. Еще в XVI веке из царской казны выдается иногда жалованье в мехах. «Заложил полсела в 10 рублях да в трех сороках белки»—читаем в источниках.

Из этого видно, что отделение денег от предметов потребления еще не совершилось. Предметы, входящие в состав денежной шкалы, могли служить как платежное средство и вместе с тем могли быть употреблены в хозяйстве. И они действительно выступают и в том и в другом значении. Современные китайские медные деньги имели первоначально форму ножа, от которого теперь осталась одна рукоятка. Греческий обол, который являлся серебряной монетой, представлял собою первоначально кусок меди в форме гвоздя или вертела. Дикари и до сих пор употребляют иностранные золотые монеты как украшения. Даже очень богатые люди у них носят все свое богатство при себе, на своем теле.

Постепенно происходит процесс дифференциации. Из многочисленных разнообразных предметов, фигурирующих в качестве денег, выделяются как главные, а впоследствии как единственные орудия обращения металлы, сначала неблагородные—железо, медь, свинец, позже серебро и, наконец, золото. Чеканка золота появляется уже в Риме в эпоху республики, в западной Европе в XIII ст., сначала в итальянских городах, Флоренции, Генуе, Венеции, Милане, позже в Чехии, германских государствах и других странах. Блеск золота вызывал особенный интерес к нему со стороны первобытного человека. В обмене с римлянами германцы получали блестящие драгоценные металлы. Первоначально они предпочитали серебро, так как получали большие куски этого металла, впоследствии же красное золото, которому приписывали демоническую силу.

С развитием хозяйственной жизни, с увеличением оборотов не могли не выясниться преимущества благородных металлов в обмене. Прежде всего они ценятся всеми на-

родами, даже самыми дикими, как украшение, и потому в состоянии служить платежным средством во всех случаях, в торговле со всеми странами. Далее, по сравнению со всеми другими предметами, они имеют сравнительную устойчивость в ценности, в особенности если брать продолжительные периоды. Конечно, мы находим колебания в ценности благородных металлов, но они сравнительно не велики и у благородных металлов меньше, чем у каких бы то ни было товаров. Это об'ясняется в значительной мере тем, что запасы этих металлов весьма велики. Все то, что добыто в течение многих столетий, сохранилось, металлы ведь не уничтожаются, и по сравнению с этими запасами, весь вновь добываемый металл представляет собою незначительную величину, так что изменения в производстве не могут оказывать сколько-нибудь значительного влияния на их ценность. Важным достоинством благородных металлов является их однородность, так что не приходится различать сортов золота и серебра, что необходимо в отношении других металлов, напр., железа; последнее меняется в зависимости от содержащегося в нем углерода. Они обладают и делимостью, не теряя в ценности даже при дроблении на мелкие части. Этим они отличаются, напр., от драгоценных камней, которые, будучи раздроблены, сильно теряют в ценности. Не следует упускать из виду и высокой ценности золота и серебра, что вызывается высокими издержками добывания и невозможностью выделывать их искусственно. Благодаря высокой ценности, достаточно небольших кусков этих металлов даже при значительных платежах; перевозка той же ценности в золоте стоит в несколько тысяч раз дешевле, чем в пшенице.

К этому необходимо прибавить, что способы их применения, за исключением денежного обращения, весьма ограничены. В промышленности ими пользуются, вследствие их высокой ценности, в сравнительно небольших размерах, да и в этих случаях металл не уничтожается, а всегда может быть превращен в форму денег. Нередко во время войн или народных бедствий украшения и утварь из золота и

серебра перечеканивались в монету. Наконец, чрезвычайно велика их прочность, как можно наблюдать на старинных монетах, сохранившихся в течение тысячелетий. Такие монеты ведь имеются еще древне-греческой и римской чеканки, т. е. насчитывающие свыше двух тысячелетий.

Конечно, золото и серебро не свободны и от известных недостатков. К числу последних относится в особенности легкая стираемость их, что при их высокой стоимости имеет весьма существенное значение, ибо в мировом обращении теряется ежегодно весьма крупная ценность. Отсюда вполне естественное желание заменить их деньгами, представляющими гораздо меньшую ценность—бумажными деньгами. Тем не менее этот недостаток и другие сравнительно невелики, если иметь в виду достоинства золота и серебра в качестве денег. «Благородные металлы-естественные деньги». Так смотрит на них обычно население.

Так благородные металлы постепенно вытеснили всякого рода иные деньги. Но при этом они попрежнему являлись всегда и средством украшения. Отсюда они первоначально сохранили и в качестве денег эту форму украшений, благодаря чему их можно было использовать всегда и в том и в другом направлении. Они употреблялись в форме колец, носимых на руках, в ушах, в носу, в форме пряжек, которыми застегивалось платье или украшались башмаки, в виде брусков, пластинок, маленьких сосудов. Римский асс (монета) обозначает палочку, древне-русская гривна—шейное украшение, кольцо. Впоследствии, однако, выяснилось неудобство пользоваться кольцами и брусками, толщину которых определить весьма трудно, тогда как ценность, в зависимости от этого, сильно изменяется. Единственным средством против такого неудобства, чувствовавшегося в особенности в торговле, являлось взвешивание кусков металла, определение их веса при каждом платеже. Золото взвешивается поэтому уже в такие времена, когда другие товары не продаются еще по весу, когда меры и весы еще не вошли в употребление.

По отношению к товарам некоторая разница в весе не имеет существенного значения, достаточно и приблизительной верности, товар отпускается на глазомер. При слабом развитии товарообмена такой образ действия возможен в течение продолжительного периода. Так, напр., в немецких городах пользование публичными весами становится обязательным при продаже различных товаров не ранее XIV—XV ст. В Новгороде торговля с ганзейцами происходила большей частью на глазомер. Между тем золотой песок взвешиваетея даже в наиболее ранние эпохи. В Илиаде Гомера, за исключением одного места, где взвешивается шерсть, весы применяются исключительно к золоту. Да и в Риме вплоть до императорского периода взвешивали только золото, серебро, медь, а также шерсть, выдаваемую рабам для прядения. В средние века считали золото и серебро на фунты, отсюда фунт пфенигов (обычная монета в те времена), фунт стерлингов, отсюда и другие современные монеты; означающие фунт—ливр, лира (от латинского либра-фунт).

Однако и взвешивание денег связано с неудобствами, в виду необходимости отделять каждый раз от слитка требуемое количество металла. Как велики затруднения при таких «пенсаторных» (т. е. взвешиваемых) деньгах, можно усмотреть из описания путешественников. Когда в Бирме отправляются на рынок, разсказывает один из них, то запасаются куском серебра, молотком, резцом, весами и гирями. Что стоят эти горшки?—Покажите мне ваши деньги, отвечает торговец, и называет, смотря по внешнему виду последних, цену своих товаров, выражая ее в деньгах известного веса. Торговец дает вам маленькую наковальню и вы отделяете столько, сколько нужно серебра. Затем вы взвешиваете на собственных весах отбитый кусок, ибо доверять весам торговца нельзя, и прибавляете или отбавляете, пока не получите требуемого веса. Конечно, при этом теряется много серебра из-за обрезков и всегда предпочтительнее купить не то именно количество товара, которое нужно, а эквивалент куска серебра, отколотого

сразу. При больших покупках, за которые платят серебром высшей пробы, процесс оказывается еще более сложным. Нужно позвать пробирщика, чтобы он точно определил пробу серебра, за что, конечно, ему необходимо уплатить.

Все эти неудобства пользования слитками серебра и золота приводят к замене их монетой. Монета представляет собою слиток металла определенной формы и наименования с известным штемпелем, удостоверяющим, что монета имеет такой то вес и содержит в себе столько то золота и серебра (или меди, олова и т. д.). Здесь уже заранее изготовлены, вычеканены, куски определенного веса и им дано известное наименование (рубли, франки, марки и т. д.), так что нет надобности определять вес при каждом платеже или выяснять пробу металла, а достаточно указать количество кусков этого наименования (монет), требуемых за данный товар. Платежи, следовательно, значительно облегчаются и упрощаются.

Греческий историк Геродот, писавший в VI ст. до Р. Х., утверждает, что впервые стали чеканить монеты из золота и серебра лидяне и они же были, по его словам, первыми торговцами. Действительно, в то время, как другие народы древнего Востока—египтяне, вавилоняне, ассирияне пользовались при обмене слитками металла, принимаемыми по весу,—греческие города Малой Азии и Лидии, повидимому, уже в VII ст. до Р. Х. ввели в обращение штемпелеванную монету, на которой обозначен был вес и количество содержащегося в нем благородного металла.

Монета состоит из двух частей—из чистого благороддого металла (фейн) и лигатуры или примеси неблагородного металла. Так как лигатура заключается в неблагородном металле, присоединяемом из технических соображений к золоту и серебру, то действительная внутренняя ценность монеты определяется исключительно содержанием в ней благородного металла. От внутренней ценности, основанной на количестве металла, следует отличать нарицательную или номинальную ценность монеты, т. е. ту ценность, которая обозначена на штемпеле и которая, в

особенности в прежние столетия, была значительно выше внутренней ценности. При равном весе монеты внутренняя ценность ее зависит от отношения чистого металла к примеси, т. е. пробы.

Первоначально господствовал взгляд, что монета должна быть безусловно из чистого металла и не должна иметь никакой примеси. И первое время монеты, действительно, чеканились из чистого золота, насколько это было мыслимо при тогдашней низкой технике чеканки. У нас это мнение высказывалось еще Посошковым при Петре Великом. В настоящее время лигатура признается необходимой, так как чистый металл слишком мягок и поэтому монета легко стирается при обращении.

Лигатура, следовательно, признается полезной по тем же соображениям, как выпуклые края на монете или выпуклый шрифт на полях, которые также предохраняют монету от стирания, изнашивания и обрезывания. Однако, самым важным правилом является требование полноценности монет, т. е. требование, чтобы указанная на ней цена и действительная ценность точно соответствовали друг другу. Но все же допускаются и известные отступления от этого правила. Устанавливается т. наз. ремедиум для пробы или веса монеты, т. е. некоторая терпимость в несоответствии между ценой и ценностью монеты —допускается отступление от указанной на штемпеле цены (номинала), в известных пределах это необходимо допускать в виду стираемости монеты в обращении.

Не следует, однако, думать, что чеканка монеты уже с самого начала изменила характер денег и условия денежного обращения. Переход от прежних, более ранних форм, совершался лишь постепенно. Чеканка сначала состояла ни в чем ином, как в наложении штемпеля на давно известные и употребляемые в обмене взвешенные куски металла. Это были простые слитки неправильной формы и величины, без всякой отделки, с одним лишь обозначением веса. Да и последний был не точен, так что его приходилось проверять. У нас, напр., еще в XVI ст. в торговых оборотах

взвешивали деньги на скаловые весы. Такими свойствами отличалось большинство древних монет. Так и наш рубль представлял собой весьма неровный, неправильный обрубок серебра, снабженный штемпелем. Вместе с тем государство первоначально еще не занималось чеканкой монеты. Денежное обращение в ранние эпохи всецело предоставлено самому себе. Публичной власти оно не касается, тем более, что деньги имеют в эту эпоху прежде всего значение как орудие обмена в торговле с другими народами и при платежах другим племенам и лишь значительно позже становятся платежным средством внутри племени.

Лишь постепенно государство берет в свои руки денежное обращение, превращает чеканку монеты в регалию. Монетная регалия состоит в том, что государство признает чеканку монеты своим исключительным правом. Уже в отдаленной древности персидский царь об'явил своим исключительным правом чеканку монеты из золота, серебряную же монету могли также чеканить сатрапы, князьки, города. В средние века принципиально исключительное право чеканки считалось принадлежащим императору, но фактически чеканка производилась целой массой князей, епископов, монастырей, городов. Частью короли и сами уступали им за известное вознаграждение это право, частью же феодалы присваивали его себе самостоятельно, расматривая его, как публичное право, вытекающее из княжеского достоинства, и видели в чеканке монеты хороший источник дохода. Во Франции и Англии к концу средних веков монетная регалия постепенно сосредоточилась в руках короля; однако еще в XVII ст. Ост-индская торговая компания (пользовавшаяся исключительным правом торговли с Индией) имела право чеканить монету.

В московском государстве удельные князья уже при Иоанне III лишились этого права, но еще и впоследствии монету именем великого князя мог чеканить каждый золотых и серебряных дел мастер; монета должна была иметь лишь определенный вес и содержать установленное количество металла. Жители приносили мастерам слитки сере-

бра и получали от них выделанную монету. Кроме того, и знатнейшим гражданам и купцам была дозволена чеканка монеты с именем царя и с определенным изображением. К концу XVII века существовал уже один только монетный двор в Москве и чеканка монеты находилась в руках одной лишь казны.

Так постепенно чеканка монеты сосредоточилась в руках государства. Частным лицам было предоставлено право приносить собственное золото или серебро на монетный двор для чеканки из них монеты—это понимается под свободой чеканки. Чеканить же монету имеет право только одно государство—в этом состоит монетная регалия. С учреждением последней установилось единство и однообразие монеты, а вместе с тем монета получила, благодаря этому правильную и определенную форму и отделку, наиболее удобную для обращения. Неудобство чеканки монеты частными лицами, без контроля государства, давало себя знать, затрудняя товарообмен, заставляя прибегать при платежах к тщательному исследованию денег в смысле их качества.

Однако выгоды монетной регалии мы можем оценить в настоящее время, когда эта регалия не только существует уже в течение продолжительно времени, но, что еще существеннее, действительно в течение всего минувшего XIX столетия доказала, насколько она необходима и полезна, ибо в течение этого столетия она руководствовалась соображениями народного блага. Монету в это время государство выпускало полноценную, номинальная цена которой соответствовала и внутренней ценности, следовательно, оно заботилось о сохранении монеты в надлежащем состоянии, не пытаясь извлекать какой-либо выгоды из монетной регалии. Между тем взгляд государства на монетную регалию, как на источник фискального дохода не только вполне возможен, но как показывает опыт, являлся в течение столетий господствующим. Монетная регалия вызвана была именно этим желанием государства наживаться на чеканке монеты, а отнюдь не интересами товарообмена, не стремлением установить единство и пра-

вильность в денежном обращении. Монетная регалия должна была покрывать различные расходы казны. От такого отношения к делу государство отказалось только тогда, когда оно нашло себе иной фискальный источник в области денежного обращения—в лице бумажных денег. Когда государство стало прибегать к последним в качестве средства покрывать свои дефициты в бюджете, тогда оно могло отказаться от эксплоатирования монетной регалии в фискальных интересах.

История монетной регалии есть ничто иное, как история выпуска дешевой монеты, история того, как при сохранении той же номинальной цены производилось непрекращающееся уменьшение содержания благородного металла в монете, причем это могло делаться с сокращением веса монеты или без сокращения, но с увеличением примеси меди или олова. Это производилось таким образом, что чуть ли не ежегодно и даже по несколько раз в году старая монета об'являлась недействительной и жители обязаны были пред'являть ее на монетный двор, получая взамен новую монету. За известное количество старой монеты они получали меньшее того же наименования и кроме того новая монета каждый раз содержала все меньшее и меньшее количество чистого металла. В результате французский ливр в XVI ст. содержал всего одну тридцать-девятую часть того, чему равнялся в эпоху Карла Великого, а фунт стерлингов к началу XVI ст. содержал уже не фунт серебра, как за несколько веков до того, а всего одну треть фунта. Отчасти, конечно, необходимость обмена старых монет на новые вызывалась неудовлетворительной техникой чеканки, вследствие чего монета быстро изнашивалась. Поэтому в средние века для каждой ярмарки необходимо было чеканить в данной местности новую монету, которая выдавалась взамен старой испорченной монеты. Таким образом повод к злоупотреблениям был на лицо. Можно было ссылаться на изнашивание монеты и на необходимость выдачи меньшего количества новой за старую в виду того, что чеканка была

сопряжена со значительными расходами. В действительности же однако, когда за 16 старых монет давали всего 12 новых, притом менее полновесных, то получался уже значительный фискальный доход.

В Московском государстве главная ходячая монета была деньга, мелкая монета, от которой и получилось слово «деньги». Двести таких монет весили при Дмитрии Донском от 24 до 27 долей, но затем стали падать, дойдя при Иоанне III до 9 долей. Это была московская деньга или московка, между тем как новгородская деньга или новгородха весила 18 долей. Рубль заключал в XVI веке 16 золотников серебра, при Михаиле Федоровиче менее 11 зол., в последние годы XVII века всего около 7 золотников. Поэтому то в народе всегда существовало представление о старых и новых деньгах, и за старые деньги, которые действительно содержали больше серебра, давали с «наддачей».

Положение изменилось только с конца XVIII и начала XIX ст., когда установлена была свободная чеканка монеты (во Франции с 1798 г., в России с 1803 г.); всякому предоставлено было право приносить на государственный монетный двор благородные металлы для перечеканки их в монету с вычетом лишь расходов чеканки. Таким образом нарицательная цена монеты и действительная внутренняя ценность ее совпадали, если не считать только разницы, вызываемой расходами чеканки.

Однако вопрос решался довольно просто лишь в отношении золотой и крупной серебряной монеты; что же касается мелкой серебряной монеты, то расходы чеканки ее составляли столь значительную часть нарицательной ценности монеты, что за вычетом их, монета содержала в себе гораздо меньше благородного металла, чем это соответствовало ее нарицательной цене. Для мелкой монеты исход найден был в другом направлении. Она чеканилась попрежнему неполноценной (низкопробной), составляя источник государственного дохода. Однако при этом было установлено, что при более крупных платежах должны употребляться лишь крупные серебряные монеты, так

как малоценная серебрянная монета предназначалась лишь для платежей в небольших суммах, так что, начиная с известной суммы, никто не обязан принимать мелкую неполновесную монету. К этому присоединялось еще и другое правило, согласно которому государство не может выпускать низкопробной монеты свыше известного количества на душу. Это количество, необходимое в обмене, определяется законом.

Мелкая низкопробная монета, вследствие этого, превратилась исключительно в вспомогательное орудие обмена, главное же состоит в крупной полновесной монете. Но эта низкопробная монета обладает и сравнительной редкостью, почему, несмотря на несоответствие между номинальной и действительной стоимостью, она не может понижаться в ценности. Так образовалась билонная или разменная монета. Медная и никкелевая монета, а также серебрянная монета ниже известного размера (в России напр., в 20 коп. и менее) повсюду приобрела такой характер. У нас прием серебрянной монеты для частных лиц был обязателен в размере до 25 рубл., медной в размере не свыше 3 руб. в казну же они принимались (напр., при уплате податей) в неограниченных размерах. Вся же остальная монета чеканилась уже полновесной (высокопробной) в том смысле, что ее действительная ценность лишь настолько различна от номинальной. насколько это вызывалось расходами чеканки. Последние же, с усовершенствованием чеканки, с введением машин, автоматических аппаратов (волочильного станка) и паровых двигателей сильно сократились, составляя менее одного процента ценности металла.

Глава III.

Ценность денег.

Чем определяется ценность денег, денег вообще, как металлических, так и всяких иных?. Это один из наиболее трудных и сложных вопросов экономической науки. В самом деле ценность денег выражается в товарных ценах: если товарные цены высоки, то мы говорим, что ценность денег низка; если товарные цены упали, мы утверждаем, что ценность денег повысилась. Но при этом никогда не следует упускать из виду, что изменения в ценах на товары могут обусловливаться и явлениями, находящимися на стороне товаров, могут вызываться увеличением или сокращением издержек производства. В виду этого, необходимо всегда выяснение всех факторов, находящихся на стороне как товаров, так и самих денег.

В XVI веке, после открытия Америки, произошло сильное возрастание цен на товары в странах Западной Европы. Цены повысились на всевозможные товары, как на предметы сырья, так и на фабрикаты, в особенности же на с'естные продукты. В различных странах рост цен начался неодновременно и происходил с неодинаковой быстротой, но все же везде и повсюду он чувствовался, вздорожание охватило всевозможные страны, Дороговизну об'ясняли различными причинами: одни спекулятивной деятельностью вновь возникших в это время торговых компаний, скупавших различные виды товаров, другие захватом общинных земель крупными землевладельцами и обращением пахотей в пастбища, что должно было сократить производство хлебов,—вздорожание хлеба ведь наиболее тяжело

отражалось на населении. Но были об'яснения и иного рода, исходившие из того, что рост товарных цен вызывался сильным падением ценности денег,—последнее же являлось результатом прилива серебра и золота в огромных количествах из Америки в Европу. «Чем более усиливается прилив какого либо товара—говорит автор XVI века Жан Боден—тем сильнее падает его цена. Это относится и к благородным металлам. А чем более понижается цена денег, тем выше поднимается цена товаров». Он указывает на то, что действительной дороговизны, т. е. недостатка в предметах пропитания, не ощущается, ибо производится столько же хлеба, мяса и т. д., как и раньше, и с равными усилиями. Все вздорожало лишь по сравнению с товаром, из которого выделываются деньги (т. е. по сравнению с благородными металлами), ибо он производится дешевле и притекает в большем количестве. Если денежная цена всех товаров повысилась вчетверо, то всякий платит вчетверо дороже, но и сам получает вчетверо больше денег, так что лишь номинальная ценность товаров изменилась, внутренняя же ценность осталась прежняя. Таким образом Боден впервые обратил внимание на то, что не только ценность товаров, но и ценность денег изменчива.

С точки зрения Бодена причина однако заключается, как видно из приведенного, в деньгах, в том, что прилив благородных металлов значительно увеличился. Этим было положено основание т. наз. количественной теории денег, согласно которой решающим фактором является количество денег, обращающихся в стране. Увеличение его вызывает падение ценности денег, т. е. возрастание товарных цен, уменьшение же количества денег приводит к обратному явлению, к возрастанию ценности денег. Эта количественная теория в таком виде держалась весьма долго. Еще Рикардо, писавший в начале XIX ст. и являвшийся в то время крупнейшим авторитетом в вопросах денежного обращения—английское правительство весьма считалось с его мнением в своей валютной политике—придерживался этой теории в ее чистом виде. Впоследствии однако она

была значительно изменена и хотя название свое сохранила попрежнему, но с первоначальной количественной теорией уже имела весьма мало общего.

Прежде всего стали указывать на то обстоятельство, что ценность денег определяется не одним лишь количеством их самих, обращающихся в стране, а соотношением между количеством денег и количеством имеющихся в стране товаров. В самом деле, в противоположность всем прочим продуктам—товарам, деньги не предназначены для прямого или косвенного удовлетворения каких-либо потребностей, т. е. они не служат для потребления и не являются средством производства. Они представляют собою исключительно орудие обращения, средство платежа. Все обращающееся поэтому на рынке количество денег, если не считать того, которое служит для уплаты за услуги, податей и сборов и т. д., предназначено для приобретения товаров, для обмена на имеющиеся на рынке товары. Ценность этих денег должна, очевидно, соответствовать ценности всей массы товаров, иначе покупных средств в виде денег оказалось бы либо слишком много, если ценность первой массы выше ценности второй массы, либо, в противоположном случаѣ, слишком мало, и должно произойти изменение в том или ином направлении для того, чтобы наступило равновесие. Коль скоро к существующему в обращении количеству денег присоединяется дополнительное количество, между тем, как количество товаров осталось то же, происходит следующее. Увеличивается спрос на товары, тогда как предложение их не изменяется, следовательно, товарные цены возрастают. В виду этого роста товарных цен, на каждую единицу денег теперь уже можно приобрести лишь меньшее количество товаров, чем прежде, ибо за каждый товар приходится платить большее количество денег, т. е. покупная способность денег понизилась. Следовательно, рост товарных цен, означающий уменьшение ценности денег, происходит в случае увеличения суммы обращающихся денег при неизменяющемся количестве товаров. Напротив, если одновременно с этим

и количество товаров, имеющихся на рынке, растет соответствующим образом, то увеличению покупных средств в виде денег противопоставляется на рынке возрастание товаров и, следовательно, равновесие сохраняется—спрос на товары и предложение их находятся в том же соотношении, как и прежде.

Однако такое дополнение к количественной теории коренным образом меняет все дело. Ценность денег определяется уже отнюдь не одним количеством обрашающихся в стране денег, но в такой же мере количеством имеющихся на рынке товаров. Последнее же обозначает, что существенным моментом, обусловливающим ценность денег, является производительность труда, общее состояние производительных сил в стране, ибо от них ведь зависит, какое количество товаров появляется на внутреннем рынке непосредственно или путем обмена на иностранные товары. Годовой труд—говорит основатель экономической науки Адам Смит—составляет главное средство, ежедневно доставляющее народу предметы, как необходимые для насущных потребностей, так и служащие для удобств его жизни, предметы, которые или производятся непосредственно его трудом, или получаются у других народов за произведения его труда. Но тот же годовой труд является решающим фактором при установлении ценности денег. От того обстоятельства, какое количество своего труда доставляет тот или другой народ, зависит и состояние его денежного обращения. Народ, который обнаруживает высокую производительность труда, тем самым нуждается и в значительном количестве денег и увеличение количества денежных знаков не наносит ему ущерба. Но совершенно иначе обстоит дело со страной малопроизводящей. Она располагает лишь небольшим количеством товаров и поэтому и потребность ее в деньгах весьма невелика. Если же она по той или иной причине увеличивает количество своих денег, будет ли то звонкая монета или бумажные деньги, то получается несоответствие между количеством денег и товаров и, следовательно, падение ценности денег.

Однако в количественную теорию были внесены еще и другие поправки и дополнения. Сопоставляется не просто количество выпущенных денег с количеством произведенных товаров; первый момент — количество денег — снабжается разного рода оговорками. Указывают на то, что спрос на товары обусловливается прежде всего не всей суммой денег, выпущенных государством, а только той частью ее, которая действительно обращается на рынке, тогда как остальная, хранящаяся в подвалах банков или в сундуках частных лиц (находящаяся в «тезаврированном» состоянии), никакой роли не играет, не создает предложения платежных средств на рынке. Между тем эта часть денежного запаса, находящаяся в неподвижном состоянии, может быть весьма велика и может значительно сокращать количество появляющихся в обращении денег. Опыт показывает, что в нормальное время большая часть всего имеющегося в стране золота находится в банках, прежде всего в центральном банке, регулирующем денежное обращение в стране. Всю эту часть денег необходимо исключить при определении их ценности, ибо она никакого влияния не оказывает, не пред'являет спроса на товары.

Напротив, прибавить надо те кредитные знаки, которые обращаются наравне с деньгами, их заменяют, выполняют те же функции, что и они. Такие кредитные документы, как вексель и чек, получили широкую обращаемость в качестве платежного средства. Еще более заменяют звонкую монету банковые билеты, выпускаемые центральными банками. Благодаря этим орудиям обращения в виде кредитных документов, обширная английская торговля обходилась всегда небольшим количеством золота. Но в Англии это имеет место и по той причине, что не только отдельные лица производят свои платежи при помощи кредитных знаков, но и банки между собой ликвидируют свои обязательства посредством расчетных палат (Clearing-House). Здесь представители различных банков взаимно обмениваются своими требованиями уплаты и обязательствами произвести таковую и лишь разница выплачивается налич-

ными или чеками на Английский банк. Опыт показывает, что наличными уплачивается не более 10 процентов всей заявленной суммы. Таким путем может значительно увеличиваться количество производимых сделок и платежей по ним без необходимости прибегать к деньгам и даже к платежным средствам вообще, количество необходимых в обороте денег сильно уменьшается.

Но тот же результат достигается также другим путем, вследствие ускорения самых оборотов с деньгами. Если та самая денежная сумма, которая ранее обращалась, быть может, один раз в течение года, теперь совершает несколько оборотов в течение того же времени, то это обозначает то же, как если бы увеличилось количество денег, имеющееся в обращении, ибо при помощи тех же денег приобретается, благодаря этому, гораздо большее количество товаров.

Таким образом, как мы видим, ряд моментов оказывает влияние на ценность денег. С одной стороны спрос на товары, выражающийся в количестве денег, скорости их обращения, количестве кредитных знаков, а с другой стороны, предложение товаров, обусловливающееся общим экономическим состоянием страны.

С открытием Америки и с появлением мексиканского и перуанского серебра в XVI ст. в количестве 250 тыс. килогр. ежегодно, к чему присоединились еще 7 тыс. килогр. золота в год, товарные цены повысились в несколько раз. И причина этого явления заключалась именно в том, что денежная масса на рынке значительно возросла, тогда как производство товаров не расширилось соответствующим образом—производительность труда стояла на прежнем низком уровне. Товарные цены, следовательно, должны были значительно возрости или, что то же самое, ценность денег обнаружила сильное падение. Конечно, в отдельных местностях и в отдельные десятилетия увеличение цен могло быть вызвано иными причинами – неурожаями, войнами, ростом населения. Самое увеличение уровня цен тех или иных товаров находилось в зависимости от интенсивности

потребности, удовлетворяемой при помощи данного рода товаров, а равно от того, представлялось ли возможным расширить его производство и в какой мере. Однако все же основным моментом являлось то обстоятельство, что запас золота и серебра в Европе чрезвычайно увеличился. Ко времени открытия Америки он составлял не многим более 2 миллиардов, а в XVI ст. возрос до 33 миллиардов.

Правильность предположения, что причина лежала на стороне не товаров, а денег, что суть заключалась в превышении предложения денег над спросом, подтверждается тем, что возрастание цен началось в тех именно странах, где ранее всего обнаружился прилив драгоценных металлов. Поэтому под'ем цен начался раньше, чем где либо, в Испании, куда американское серебро непосредственно доставлялось, но рост их в Испании уже потерял вскоре свою интенсивность, по мере отлива золота и серебра оттуда в другие страны, ибо Испания, не имея собственной промышленности, вынуждена была привозить все необходимое из-за границы и расплачиваться американскими металлами. Напротив, там, где сравнительно поздно появились новые запасы благородных металлов, но где, благодаря развитию вывозной торговли, приток их все более усиливался, как это было в Англии, и возрастание цен, начавшись гораздо позже, продолжалось в течение двух столетий.

Противоположное явление—значительное падение товарных цен—мы наблюдаем в последней четверти XIX века. Это понижение товарных цен иногда приписывают тому, что серебро перестало в значительной мере служить в качестве монеты, почему и обнаружился недостаток в деньгах, по сравнению с сильно расширившимся производством товаров. Однако при этом упускают из виду сильное ускорение обращаемости денег в эту эпоху, вследствие чего, несмотря на уменьшение количества денег, равновесие должно было восстановиться. Причину падения цен в данном случае надо искать на стороне товаров, издержки производства которых, вследствие успехов в области тех-

ники производства и транспорта, значительно сократились. Недостаток в деньгах тем менее мог обнаружиться, что и платежи посредством кредитных операций теперь сберегали значительное количество денежных знаков.

Нужно иметь в виду, что и самый процесс изменения ценности денег к концу XIX и началу XX ст. совершался уже иначе, чем это было раньше. В XVI—XVII ст., в эпоху сильного падения ценности денег, вызванного быстрым увеличением добычи золота и серебра, происходило следующее. Добываемые в рудниках Перу, Чили, Мексики, Бразилии благородные металлы, а также золото и серебро, отнятое испанцами у туземного населения путем ограбления дворцов, храмов, могил, поступали часто непосредственно в собственность государства, частью уплачивались государству в качестве податей, десятины и т. д., частью, наконец, поступали в виде прибыли в пользу отдельных лиц, в особенности испанских купцов. Полученные благородные металлы государство немедленно же тратило на покрытие своих расходов, а частные лица издерживали их на приобретение предметов роскоши. Вследствие этого, добытое золото и серебро сразу же наводняло собою рынок, сразу же вызывало усиление спроса на разные товары и рост товарных цен. Поэтому то всякое увеличение в добыче золота и серебра должно было быстро и резко отзываться на понижении их ценности.

Но совершенно иначе обстояло дело впоследствии, в наше время. Вновь добываемое золото и серебро уже не затрачивалось сразу на предметы потребления, а помещалось в банках. Если же затем оно уходило из банков и возростало количество денег в обращении, то оно принимало иной характер, превращаясь не в предметы потребления, а в капиталы. Поэтому изменения в ценности денег происходили уже не так механически и не так непосредственно, как прежде. При новых условиях избыток в деньгах облегчал расширение производства, последнее вызывало усиление спроса на материалы и орудия, вызывая повышение цен на эти предметы. Далее расширение про-

изводства имело последствием увеличение спроса на рабочие руки, что влекло за собой возрастание заработной платы, а под'ем заработков обозначал в свою очередь повышенный спрос на массовые предметы потребления и отсюда возрастание цен последних. Таким образом постепенно и гораздо медленнее, чем прежде, повышение цен распространялось на товары всякого рода.

Со времени мировой войны все страны снова сильно страдают от избытка денег, однако не металлических, а бумажных. Избыток этот именуется инфляцией, а устранение его путем извлечения части денег или увеличения количества товаров, называют дефляцией. Об инфляции, наступившей в последние годы, речь впереди, теперь укажем лишь на то, что инфляция (и дефляция) обозначает вовсе не одно лишь переполнение каналов денежного обращения бумажными деньгами, которые вследствие этого, падают в ценности, а всякое превышение количества денег в стране, по сравнению с потребностью в них, независимо от того, идет ли речь о металлических, бумажных или каких либо иных деньгах. Поэтому и те явления, корые имели место после открытия Америки, несомненно подойдут под понятие инфляции.

Любопытно, что именно во время мировой войны ранее всего стали говорить об инфляции, имевшей место уже в 1914 г. в Швеции. На нее пришлось обратить внимание гораздо раньше, чем воюющие страны стали чувствовать последствия усиленных выпусков бумажных денег — в начале войны это еще не замечалось. Между тем Швеция входила в число нейтральных стран, денежное обращение которых вообще не пострадало во время войны. Она сохранила в неприкосновенности свою золотую валюту. Почему же мы говорим все таки об имевшей место там инфлации и в чем выразилась последняя? Инфляция заключалась в данном случае в том, что с начала войны в Швецию стало притекать в большом количестве золото и получилось значительное превышение обращавшегося в стране количества, по сравнению с потребностью в нем.

Наряду с прочими нейтральными странами Швеция стала с началы войны поставщиком воюющих государств, как и посредником во всевозможных коммерческих операциях. Отсюда прилив в большом количестве золота в страну, тем более, что привоз товаров из воюющих стран в Швецию сильно сократился. Обнаружилась инфлация, падение ценности денег или, что то же, рост цен в стране. Пришлось прибегнуть к прекращению свободной чеканки золота, т. е. отменить право всякого предъявлять на монетном дворе слитки золота к чеканке, и принять ряд мер к усилению привоза товаров, который должен был заменить привоз денег.

Глава IV.

Монетные системы.

Мы говорим о господстве в стране той или другой денежной системы. Денежные системы могут быть различные, в зависимости от того, какой металл или вообще какое орудие обращения признается законным платежным средством. Как мы видели выше, первоначально роль денег выполнялась целым рядом различных предметов, которые были приведены в известное соотношение между собою, так что за данное количество одного давалось обыкновенно определенное количество другого. Но все же равенство это было лишь приблизительное и при заключении сделки всегда определялось, в какой форме будет произведена уплата. Это последнее правило применялось и впоследствии, когда постепенно все другие предметы перестали функционировать в качестве денег и остались одни только металлы. Обращавшиеся в стране серебряные и золотые монеты, иногда и медные и другие, были приведены в известное соотношение между собою, так что, напр., известное количество мелких серебряных монет считалось приблизительно равным одной крупной серебряной монете. Но вместе с тем равенство это было лишь приблизительное и одна серебряная монета не вполне заменяла известное число других серебряных более мелких монет. Поэтому уплата производилась по взаимному соглашению в данной, определенной, условленной серебряной монете, а не в какой-либо иной серебряной монете. Но денежное обращение находилось в безпорядочном состоянии, обращалось много монет разного вида и достоинства, старых и новых, полноценных и не-

полноценных; да порядка и не могло быть, так как, вследствие постоянной порчи монеты, даже монеты одного и того же наименования, но выпущенные в разное время, не соответствовали друг другу.

Постепенно прежнее многообразие монеты упростилось, они образовали систему, так что отдельные монеты могли заменять друг друга, определенному количеству одной соответствовало известное количество другой. Исчезло различие не только между монетами из одного и того же металла, но даже между монетами из различного металла, так что по выбору можно было платить по обязательствам в монетах золотых или серебряных. Так возникла постепенно двойственная система или биметаллизм, т. е. такая система, где платежи производятся по желанию либо золотом, либо серебром на основании законом определенного отношения между обоими металлами. Кроме того, для биметаллизма характерен и другой признак — свободная чеканка как золота, так и серебра, т. е. всякому частному лицу дается возможность доставить на монетный двор благородный металл и получить соответствующее его ценности количество монеты, за вычетом лишь расходов чеканки. Таким образом количество обращающейся в стране монеты как золотой, так и серебряной, определяется желанием населения, зависит от его воли, от количества металла, доставляемого на монетный двор, но оно отнюдь не регулируется властью государства.

Такая двойственная система была установлена во Франции в 1803 г., причем соотношение между серебром и золотом было принято как 1: $15^1/_2$, т. е. по ценности фунт золота равен $15^1/_2$ фунтам серебра. С введением двойственной валюты впервые, действительно, появляется денежная система, устанавливается точное отношение между различными монетами, оба металла являются законным платежным средством. Вся суть заключается в этом соотношении между золотом и серебром. Установление его является необходимым, ибо при возможности платить любой монетой нужно определить законное отношение между

ними. Однако в этом заключается слабость двойственной денежной системы. Соотношение между ценностью золота и серебра на рынке изменяется, подлежит колебаниям, в зависимости от размеров добычи того и другого металла, от спроса на них, от издержек производства и т. д. Каждое такое колебание вызывает отклонение действительного, рыночного отношения в ценности обоих металлов от соотношения, принятого в денежной системе. Напр., вместо установленного в монетной системе отношения 1: $15^1/_2$— оно составляло в начале XX ст. 1: 30 или 1: 35, т. е. ценность серебра была вдвое ниже той, которая была принята в денежной системе.

Между тем такое отклонение, т. е. падение рыночной ценности одного из металлов, по сравнению с ценностью, принятой в монетной системе, влечет за собой большие неудобства, расстройство в денежном обращении. В этом случае действует т. наз. закон Грешема, гласящий, что худшая монета вытесняет лучшую. Английский банкир XVI ст. Грешем, управлявший финансами Елизаветы, подметил, что когда правительство рядом с монетой весьма низкого качества выпускало, желая улучшить денежное обращение, монету того же наименования (те же шиллинги), но с большим содержанием серебра, то эта новая лучшая монета (шиллинги лучшего качества) скоро исчезала, переплавлялась в слитки, и оставалась в стране только худшая. Всякому было выгодно лучшую монету переплавлять в слитки и за каждый слиток получить более значительное количество монеты худшего качества, для того, чтобы производить платежи в последней, ибо обе монеты являлись одинаковым платежным средством.

В более ранние эпохи такое исчезновение лучшей монеты из обращения являлось последствием порчи монеты, выпуска менее полновесной монеты. В XIX веке выпуск такой испорченной монеты прекратился, но зато к концу XIX и к началу XX ст. усилились колебания в соотношении между ценностью золота и серебра. В течение предшествующих этому двух столетий (до 70-х гг. XIX ст.) был

достигнут «идеал почти полного постоянства» в соотношении между серебром и золотом,—соотношение составляло во весь этот период 1: 15, доходя до 1: 15,9, но не достигая 1: 16. Благодаря этому, монеты из обоих металлов, действительно, вполне могли заменить друг друга, и принятое во Франции нормальное отношение 1 : 15½ соответствовало действительности. Напротив, с 70-х годов XIX ст. это постоянство было резко нарушено. Соотношение между серебром и золотом в 1876—1880 г. г. составляло 1 : 18, а в 1886—90 г. г. уже 1 : 21, в 1891—95 г. г. 1 : 26, в 1896—1900 г. г. 1 : 33, 5, в 1906—10 г. г. 1 : 35,7. В отдельные годы соотношение доходило до 1 : 38 и даже 1 : 39.

При таких условиях принятое во Франции и в других странах отношение 1 : 15,5 или 1 : 16 уже являлось неправильным. Сохранение его, согласно закону Грешема, должно было повлечь за собой уход золота из страны и наличность фактически одного лишь серебра в качестве валюты. Ибо всякому выгодно в этом случае сохранить золотую монету, переплавляя ее в слитки и приобретая за слиток золота в 1 фунт не 16, а 35 фунтов серебра. Отсюда утверждение некоторых экономистов, что двойственная валюта вообще немыслима, что она могла существовать только тогда, когда случайно соотношение (рыночное) между золотом и серебром совпадало с законной нормой, тогда как во все другие эпохи должна на практике установиться простая денежная система—либо золотая либо серебряная, монометаллизм.

При монометаллизме или единой денежной системе лишь одна монета, т. е. монета из одного металла, либо золотая, либо серебряная, признается законным платежным средством. До 70-х годов XIX ст. монометаллизм выражался в серебряной валюте. Такой серебряный монометаллизм существовал во многих странах, в том числе и у нас, причем у нас, однако же, наряду с бумажно-денежным обращением. В манифесте Александра I 1810 г. говорится: «поелику две монетные единицы в правильной монетной системе существовать не могут и поелику золото по малому

у нас оного количеству нельзя признать монетною единицею, то золотую монету оставить в настоящем ее, относительном к серебру достоинстве и свободном обращении как предмет торговли, коего цена определяется количеством и потребностью. Истинною же монетною единицею в России признать серебряный рубль». Таким образом, согласно этому манифесту, золотая монета имеет лишь свободное, но не обязательное обращение, обращается наравне со старыми серебряными монетами и в отличие от серебряного рубля настоящего достоинства (в 4 золотн. 21 долю серебра); при перечислении же русских металлических монет в том же законе о золотой монете вообще не упоминается.

В отличие от континента Европы, Англия уже с конца XVIII ст. стала переходить к золотой валюте. На континенте же Европы этот переход совершился лишь значительно позже, с 70-х годов XIX ст. Именно в 70-х годах Германия стала продавать свое серебро и устанавливать золотую валюту. Ее примеру последовали Скандинавские государства, Голландия, в 1897 г.—Россия. Точно также и другие страны—Франция, Австро-Венгрия, Индия и Соединенные Штаты прекратили свободную чеканку серебра, т. е. отказались от двойственной системы. Нужно иметь в виду, что и при золотой валюте остается в обращении серебро, ибо без мелкой серебряной монеты невозможно обойтись. Однако оно имеет в этом случае лишь вспомогательное значение, является билонной монетой, представляет собою в сущности не деньги, а суррогат денег. Оно чеканится лишь в определенном, установленном законом количестве и принимается при платежах лишь в известной, ограниченной сумме. Вполне понятно, что раз количество подлежащей чеканке серебряной монеты определяется законом, то свободной чеканки этой монеты не может быть. Одно противоречило бы другому, ибо в первом случае количество ее устанавливается законом, во втором — потребностями народного хозяйства. Свобода чеканки сохраняется лишь в отношении золота, ибо по-

следнее может при этой системе чеканиться в любом количестве.

Однако переход к золотой валюте совершился не сразу и не везде он был выполнен полностью. Как видно из сказанного, он состоит из двух моментов—из прекращения свободной чеканки серебра, с одной стороны, и превращения обращающегося в стране серебра в билонную монету, с другой стороны. Первый шаг был сделан повсюду—свободной чеканки серебра уже нигде не существовало. Но многие страны на этом и остановились. Получилась хромающая валюта, состоящая в том, что рядом с золотом и крупная серебрянная монета признана была законным платежным средством и подлежала приему при платежах всякого рода, хотя эта крупная серебряная монета чеканится только государством и только в определенных размерах. Эти особенности хромающей валюты, тот факт, что она чеканится лишь государством в определенном количестве отличают хромающую валюту от биметаллистической системы. К этому присоединяется еще и то обстоятельство, что полноценной серебряной монетой, являющейся законным платежным средством представляется только монета определенных видов, тогда как прочая серебряная монета законным орудием платежа не признается.

Хромающая валюта возникла в различных государствах, вследствие того, что при переходе к золотой валюте из'ятие из обращения всей полноценной серебряной монеты и замена ее золотой была бы сопряжена с весьма значительными затруднениями. Сбыт этого серебра, в особенности в виду падения его ценности с 70-х годов, сопряжен был бы с большими убытками. Превращение же всей этой полновесной монеты в билонную с ограниченной платежеспособностью было неудобно. в виду большого ее количества. Отсюда то и получилась хромающая валюта. Так, Германия после франко-прусской войны воспользовалась полученным от Франции в качестве контрибуции золотом и стала переходить к золотой валюте, извлекая из обращения серебро и продавая его за-границу. Однако, в виду

сильного падения ценности серебра, она спустя несколько лет, в 1874 г. потерпев сильный ущерб, вынуждена была прекратить эти операции и признать серебряный талер наряду с золотой монетой законным платежным средством. Только в 1907 г. талеры были извлечены из обращения и сохранилась одна лишь билонная серебряная монета. Лишь с этих пор хромающая валюта превратилась в золотую валюту в ее чистом виде. Во Франции же и в Соединенных Штатах хотя свободная чеканка серебра и была прекращена, но вплоть до войны продолжала существовать полновесная серебряная монета в качестве законного платежного средства; во Франции в таком положении находилась 5-франковая монета.

Напротив, в России сразу совершился переход к золотой валюте в ее чистой форме. Согласно изданному в 1899 г. монетному уставу, «золотая монета обязательна к приему во всех платежах на неограниченную сумму, а серебряная и медная монета служит монетою вспомогательною; обязательный прием частными лицами серебряной рублевой, 50 коп. и 25 коп. монеты ограничивается 25 рублями». Серебряный рубль, как монета, являвшийся у нас в течение столетия законным платежным средством, таким образом, совершенно лишился своего положения и заменен золотой монетой.

По терминологии Кнаппа, золото у нас, как и в Германии, занимало «валютарное» положение, ибо оно являлось законным и окончательным платежным средством, тогда как остальные денежные знаки имели «акцессорный» (дополнительный) характер, ибо прочая монета была обязательна к приему лишь в определенных размерах. К акцессорным деньгам принадлежали и кредитные билеты, ибо окончательная уплата государством ими не производилась, а всякий получатель был вправе потребовать размена их на золото. При этом золото являлось «наличными» деньгами, в отличие от серебра и т. д., отличавшихся свойствами «нотальных» денег, ибо только в отношении первого было установлено правило, согласно которому любое

количество этого металла по требованию пред'явителя должно быть перечеканено в монету из этого металла. Золотая валюта, по этой терминологии, и имеется там, где «наличные» золотые монеты являются «валютарными». Напротив, в Австрии напр., где хотя и существовала золотая валюта, но без обязанности со стороны государственного банка разменивать банкоты на золото, эти банкоты составляли для государства окончательное платежное средство, имели «валютарный» характер, тогда как все виды монет, в том числе и золото, представляли собою там «акцессорные» деньги. Общим всем странам являлось однако то, что они имели «хартальную» денежную систему, т. е. основанную на признании государством определенных монет или иных денежных знаков законными платежными средствами, в отличие от более старой «пенсаторной» системы, когда, как мы видели выше, деньги принимались по весу и оценивались каждый раз сообразно последнему.

Переход к золотой валюте везде и повсюду с 70-х годов XIX ст. обусловливался рядом существенных обстоятельств. Прежде всего падение ценности серебра сделало серебро непригодным в качестве монеты и повлекло за собой демонетизацию его, т. е. лишение свойства служить монетой. Серебро в большинстве государств перестало быть законным платежным средством, исчезло в качестве полновесной монеты. Но вместе с тем демонетизация, сократив спрос на серебро, тем самым вызвала дальнейшее падение его ценности. Прекращение свободной чеканки серебра и продажа свыше миллиона фунтов серебра Германией, которая прежде являлась исправным покупателем его на лондонском рынке, прекращение свободной чеканки серебра во Франции, где избыточное количество этого металла прежде находило себе место,—все это не могло не выразиться в новом падении его ценности. Точно также закон 1893 г. о прекращении свободной чеканки в Индии, где ранее господствовала серебряная валюта, вызвал сразу падение ценности серебра с 38 на 34 пенса. Добыча же серебра не только не уменьшилась, а, напротив, возростала

все более и более. В пятилетие 1871—75 г. г. производство серебра составляло 2 милл. килогр,, а затем непрерывно возрастало до 5 и более милл. килогр. в 1901—05 г.г. При таком одновременном быстром росте добычи, т. е. предложения серебра, и сильном сокращении спроса на него становится понятным резкое падение его ценности на половину и менее прежнего размера.

С другой стороны, такая демонетизация серебра и замена его золотом стала возможна, благодаря чрезвычайно увеличившейся добыче золота. В 70-х и 80-х годах XIX ст. добыча золота еще не превышала в среднем 36 тыс. килогр. в год, но в 90-х годах достигла вдвое большей цифры (63 тыс.), а в пятилетие 1901—05 г.г. составляла 484 тыс., т. е. 96 тыс. килограм в год. В то время, как в период 1493—1850 г.г., т. е. со времени открытия Америки до половины XIX ст. золото по весу составляло всего 3 проц. всей добычи благородных металлов, оно за вторую половину XIX ст. (1850—1905) равнялось 8 проц. По ценности же, принимая отношение между серебром и золотом как 1:15,5, производство золота до половины XIX ст. равнялось всего одной трети, в последние же полвека целым двум третям ценности добычи благородных металлов. В 63 года с 1846 по 1908 г. добыто золота в три с половиною раза больше, чем в предшествующие 353 года (с открытия Америки до 1846 г.). Таким образом соотношение между ценностью производства золота и серебра совершенно перевернулось. Первая эпоха являлась действительно «серебряным веком» и неудивительно, что в обращении и при наличности двойственной системы преобладало серебро. Платежи производились преимущественно серебром, в прежние столетия оно даже считалось единственным мерилом ценности, тогда как «золото есть такой же товар, как свинец». Напротив, во второй половине XIX ст., когда соотношение в добыче металлов коренным образом изменилось, эта роль естественно должна была перейти к золоту, доступность которого сильно увеличилась; должен был наступить «золотой век».

В таком положении дело обстояло накануне мировой войны. Почти во всех странах, в том числе и у нас, господствовало правильное, построенное на золоте, денежное обращение и даже такие явления, как напр., война с Японией и последовавшее затем революционное движение, не в состоянии были его поколебать. Но война, резко изменившая всю хозяйственную жизнь Европы, произвела переворот и в денежном обращении, создала повсюду, в воюющих государствах совершенно новые, ранее неизвестные условия. Золотая валюта погибла, уступив место бумажно-денежному обращению.

Глава V.

Бумажные деньги.

Вплоть до мировой войны господствовало металлическое денежное обращение, главным образом золотая валюта. Однако повсюду наряду с золотом являлись законным платежным средством и банкноты или кредитные билеты, выпускаемые государственным банком или же частными банками, получившими на то особую привилегию правительства. Это об'ясняется тем, что металлические деньги при всех своих достоинствах, отличаются все же известным неудобством в смысле пользования ими и кроме того они являются орудием дорогим. Конечно, золото гораздо менее громоздко, чем какой либо иной предмет, и при помощи небольшого слитка золота представляется возможным произвести весьма крупный платеж. Тем не менее ношение с собой и такого слитка довольно обременительно и всегда является предпочтительным воспользоваться для платежа кредитным документом, который можно удобно положить в карман.

Но еще существеннее другое обстоятельство—то, что металлические деньги в обращении стираются. Адам Смит сравнивает золото и серебро, которыми пользуется страна в качестве платежного средства, с кухонной посудой, необходимой населению для того, чтобы сварить и изжарить пищу. Но металлические деньги представляют собою весьма ценную посуду. Эти сковороды и кастрюли можно было бы с пользой употребить другим образом; мало того, в обращении уменьшается их ценность, вследствие стирания металла. В Англии на монетном дворе имеются очень чувствительные весы, отмечающие изменение веса в монете

от одного держания ее. Если только что отчеканенную монету положить на эти весы, взять ее в руки, а затем ее снова взвесить, то получится некоторая разница в весе монеты, по сравнению с ее первоначальною тяжестью.

Очевидно, с народно-хозяйственной точки зрения гораздо выгоднее, чем пользоваться ценными металлами, стирающимися в обращении, прибегать к ничего не стоящим бумагам—банковые билеты могут вполне заменить металлические деньги в качестве платежного средства, что дает возможность употребить золото и серебро на иные нужды. «Обращающееся в стране золото и серебро—говорит Адам Смит—можно сравнить с большой дорогой, по которой на рынок доставляется хлеб и сено, которая сама не производит ни одного зерна хлеба и ни одного клочка сена. Благоразумные банковые операции, открывая, так сказать, воздушные пути, доставляют стране средства обратить большую часть этих дорог в превосходные поля и луга и значительно умножить, поэтому, годовое производство ее земель и ее труда».

Таковы результаты замены монеты банковыми билетами, но лишь до тех пор, пока совершается безпрепятственный размен этих билетов на золото и серебро. При этих условиях банковые билеты являются лишь суррогатами денег в качестве платежного средства, заменяют их в обращении. Банковые билеты самостоятельной ценности не имеют, ценность их зависит от ценности металлических денег, которые они заменяют. Сделки в сущности совершаются на золото и серебро, которое хранится в подвалах банков и на которые билеты обмениваются при пред'явлении. Но характерную черту этих банковых билетов составляет их безостановочный размен на звонкую монету, почему государство, предоставляя тому или иному банку право выпуска банковых билетов, обставляет эту эмиссию известными условиями для того, чтобы гарантировать их постоянный размен. Так, Английский банк, согласно акту Роберта Пиля 1844 г., имеет право выпускать на 19 милл. ф. ст. банкнот, выпуски же сверх этого коли-

чества должны быть обязательно покрыты звонкой монетой полностью, т. е. банк обязан откладывать в известный фонд соответствующую сумму звонкой монетой для того, чтобы размен банкнот на золото мог совершаться безпрепятственно. В Соединенных Штатах банки обязаны вносить в государственное казначейство государственные облигации в размере ценности выпускаемых ими банкнот. Государственное казначейство Соединенных Штатов имеет золотой запас и выпускает боны, банки же, приобретая эти боны, под них имеют право выпускать банкноты; пред'явители последних могут их обменивать на золото в государственном казначействе. Следовательно, обезпечение размена составляет обязанность государственного казначейства, а организация снабжения населения кредитными знаками возложена на частные банки—им на указанных условиях предоставлено право выпуска банковых билетов.

Несколько иной характер имеет германская система. В Германии с 1910 г. контингент банковых билетов имперского банка составлял 550 милл. мар., а всех банков вместе (ибо сверх имперского банка еще четыре банка пользовались правом выпуска банкнот)—687 милл. мар., в последних же числах марта, июня, сентября и декабря, т. е. к концу каждой трети года, он повышается до 750 милл. мар. Это повышение об'ясняется тем, что в эти сроки спрос на платежные средства значительно увеличивается. При этом, однако, в видах обезпечения безостановочного размена, банк обязан на одну треть выпущенных банкнот иметь звонкую монету, слитки, иностранную монету или билеты имперского казначейства, а на остальные две трети учтенные векселя сроком не свыше трех месяцев и имеющие три или, по крайней мере, две подписи известных своей платежеспособностью лиц. Наконец, все, что будет выпущено сверх указанного контингента, подлежит 5 проц. налогу в пользу государства. Вследствие этой прибавки, по германской системе общая сумма выпущенных билетов не ограничивается никакой предельной цифрой, упомянутый же налог создает косвенное контин-

гентирование эмиссии. Он предотвращает чрезмерный выпуск банкнот, так как уплата налога делает его по общему правилу невыгодным. Но в то же время такой выпуск становится возможным тогда, когда нужда в платежных средствах очень сильна. Тогда банк повышает учетный процент, чтобы предотвратить уменьшение своих средств (сократить учеты векселей). А раз банк берет при учете более 5 проц., то он может и сам уплатить 5 проц. налог за выпускаемые им сверх контингента банковые билеты.

Эти правила, которые должны обезпечить банковым билетам безостановочный размен, являются реакцией против тех явлений, которые уже раньше имели место, против тех бедствий, которые государство успело испытать; нужда научила благоразумию. В прежнее время легко переходили границы последнего, происходил чрезмерный выпуск банковых билетов, при котором не соображались с разменным запасом металла. Когда государство нуждалось в средствах, в особенности во время войны, печатный станок начинал усердно работать и средства добывались очень простым способом выпуска ничего не стоющих бумажек. Но размен их уже оказывался невозможным— банк не обладал достаточным количеством металла, не в состоянии был удовлетворять требования населения в обмене билетов на звонкую монету. В этом случае государству приходилось об'явить размен прекращенным, признать, что доверие населения, возлагавшееся на него при выпуске банковых билетов, оно оправдать не может.

Билеты превращаются в этом случае в простую бумагу и частные лица могут отказаться от приема их. Для предотвращения этих последствий прекращения размена, государство, опираясь на свою власть, устанавливает принудительный курс, т. е. издает постановление, что никто не в праве отказываться от принятия в уплату билетов наравне с металлическими деньгами. С этого момента банкноты превращаются в бумажные деньги; в стране водворяется бумажно-денежное обращение. Эти бумажные деньги носят соответствующие металлическим деньгам названия, нераз-

менны и снабжены принудительным курсом. Однако, бумажные деньги, хотя и имеют принудительный курс, стоят в действительности обыкновенно ниже своей нарицательной цены; они падают в цене, так что за один рубль золотом приходится давать большее количество бумажных денег, т. е. курс бумажного рубля ниже курса металлического рубля. Эта разница в курсе, этот плюс, который приходится прибавлять при обмене на звонкую монету, называется лажем.

Таким образом между разменными банкнотами и неразменными бумажными деньгами разница весьма существенная. Ценность банкнот зависит от ценности того металла, который они представляют, при бумажных же деньгах всякая связь с металлом исчезает. Бумажные деньги сами представляют ценность, которая устанавливается совершенно самостоятельно. Банкоты имеют определенную ценность, бумажные деньги—ценность весьма колеблющуюся.

Первые и весьма неудачные попытки в области бумажно-денежного обращения находим уже в XVIII ст. во Франции, Швеции, Северо-американских колониях, к концу XVIII в. и в Англии. К этому времени оно появляется и у нас. При Екатерине II выпущено было бумажных ассигнаций на 158 милл. руб., тогда как золотой и серебряной монеты всего на 87 милл. руб., т. е. почти на половинную сумму. Вследствие этого, ассигнационный рубль уже к концу царствования Екатерины понизился на 10 проц. Когда же к этому присоединились новые выпуски ассигнаций при Павле и Александре I на 422 милл. рублей, то рубль ассигнациями в 1810 г. уже стоил одну пятую своей цены или бумажный рубль равнялся серебряному двугривенному. Только тогда ассигнации превратились в бумажные деньги в полном смысле слова, ибо лишь в 1810 г. был установлен принудительный курс на ассигнации. До того времени прием их не был обязателен и они получили распространение лишь в силу обычая, опиравшегося на то, что ими можно их было производить платежи в казну и что они были удобнее тяжеловесной медной монеты.

Но, конечно, предоставляя ассигнациям обязательность обращения, закон не мог требовать, чтобы они принимались по нарицательной цене, потерявшей всякое практическое значение, т. е. закон не мог претендовать на то, чтобы ассигнационный рубль был равен рублю серебряному. Закон должен был мириться с тем, что ассигнационный рубль приравнивается приблизительно к одной четверти серебряного. Закон вынужден был признать укрепившийся в населении денежный счет на ассигнации.

Нечто подобное произошло у нас и во второй половине XIX ст. В 40-х годах восстановлен был размен кредитных билетов, которые заменили собою ассигнации, на звонкую монету. Однако в виду больших выпусков кредитных билетов во время крымской войны, размен вскоре снова прекратился и снова возобладали бумажные деньги и получили первенство над серебром. Уже в 1859 г. кредитный рубль потерял 20 проц. своей нарицательной цены а после новых выпусков кредитных билетов, в связи с турецкой войной 1878 г., они потеряли одну треть своей нарицательной цены.

История бумажно-денежного обращения у нас свидетельствует и о том, к каким последствиям приводит бумажно-денежное обращение для хозяйства страны. Прежде всего, как и следовало ожидать, согласно закону Грешема, бумажные деньги вытесняют из страны звонкую монету. «Уже с конца XVIII ст. в России никакая звонкая монета не в состоянии была оставаться, вытесняемая за-границу умножавшимися и обезценившимися ассигнациями». То же произошло и тогда, когда возстановленный в 40-х годах размен снова прекратился. Когда кредитный рубль понизился на 20 проц. своей нарицательной цены, о совместном обращении кредитных билетов и звонкой монеты уже не могло быть речи и монета быстро стала уплывать заграницу. Вследствие этого, в конце XVIII и начале XIX ст. Россия потеряла звонкой монеты на 300-350 милл. руб., во второй половине XIX ст. она потеряла монеты снова на целых 800 милл. руб.

Не менее существенным последствием является дороговизна товаров, вызванная понижением в цене бумажных денег. Такой кризис в виде резкого повышения цен на товары, также произошел у нас уже к концу царствования Екатерины II под влиянием выпуска ассигнаций и сильного падения их ценности. Все оценки стали производиться населением на бумажный рубль, который приравнивался к четверти «целкового» или серебряного рубля. Но этот денежный счет не был постоянен, происходили постоянные колебания в ценности ассигнаций—характерная черта бумажных денег. В противоположность банкнотам, неразменные бумажные деньги не имеют постоянной ценности. Являясь мерилом ценности, они представляют собою меру, изменяющуюся изо дня в день. Положение такое же, как если бы пуд и фунт, сажень и аршин, десятина и ведро стали неуловимыми величинами, непрерывно изменяющимися. У нас в тридцатых годах появились многочисленные простонародные лажи, которые были различными в различных местностях и постоянно изменялись. «Денежный счет стал мудреным, сложным и затруднительным; но хозяева в нем были кулаки, нещадно обиравшие простодушных людей на множество ладов».

Еще более велико было обезценение ассигнатов выпущенных во Франции во время Революции. Они появились впервые в 1789 г., а к концу 1796 г., т. е. 7 лет спустя их насчитывалось в обращении на 40 миллиардов ливров. Но такова была лишь номинальная стоимость их, ибо к этому времени они успели упасть уже на $^1/_{250}$ последней. При этом уже в 1795 г. колебания курса их являлись совершенно необычайными. В течение 1—2 часов расценка падала, а иногда и повышалась на 20—25 процентов их стоимости. Луидор золотой, который в 11 часов утра ценился в 200 ливр. в ассигнатах, в 12 час. стоил уже 250 ливров. Современники рассказывают, подчеркивая чрезвычайный под'ем цен, что в октябре 1795 г. завтрак и обед Комитета Общественного Спасения обошелся в $5^1/_2$ тыс. фр. ассигнатами, причем телячья ко-

тлета стоила 650 фр., 3 персика 400 фр., пирожное 50 фр.

Когда то такие повествования производили на нас большое впечатление, но в настоящее время, когда фунт ржаного хлеба в Петрограде за 8 лет повысился с 2 коп. до 150000 руб., т. е. в $17^1/_2$ миллионов раз, эти цифры времен Французской Революции нам кажутся совершенно незначительными. За шесть лет с 1914 по конец 1920 г. ценность денег для петроградского населения упала в 20 тысяч раз. К тому времени выпущено было, по оффициальным данным, свыше 1000 миллиардов или одного биллиона бумажных денег, а с тех пор падение ценности их и количество бумажек значительно повысилось. В феврале 1922 г. оффициальная оценка составляла один 1 рубль золотом— 150.000 бумажных рублей, на рынке же за золотой рубль платили в 3 раза больше. Таким образом, и в смысле понижения ценности денег и в отношении размеров эмиссии мы далеко оставили позади эпоху французских ассигнатов.

Было бы однако неправильно приписывать обезценение бумажных денег одному лишь чрезмерно обильному выпуску их, а тем более ставить самые размеры обезценения в непосредственную связь с количеством выпущенных денег. Как мы видели выше, ценность денег вообще, как металлических, так и бумажных определяется не одним только количеством их—притом с прибавлением заменяющих их кредитных документов—обращающимся в стране (а не выпущенным), а соотношением между обращающимися в стране деньгами и запасами товаров, имеющимися на рынке. Сильное падение курса рубля обусловливается тем, что одновременно с все возростающей эмиссией происходит все время понижение производительности труда и отсюда сокращение предложения товаров. Те головокружительные цены, до которых мы дошли и которые остановиться в своем росте и не думают, выражают собою в значительной мере сильный недостаток товаров при растущем спросе на них, вызываемом новыми эмиссиями.

Нечто подобное мы можем наблюдать и в эпоху французской революции и в этом обстоятельстве, повидимому, заключается причина того, что во Франции в 1789—1796 гг. обезценение ассигнатов совершается гораздо скорее, чем растут выпуски их. Так в течение 1795 г. обращавшаяся в стране масса ассигнатов возросла с 7,2 до 27,6 миллиардов ливров, т. е. почти в четыре раза, тогда как ценность их упала более, чем в 40 раз (к 1 янв. 1795 г. 100 ливр. металл. стоили 476 ливров в ассигн., а к 1 янв. 1796 г. они расценивались в 23 тыс. ливр.), за первые пять месяцев 1795 г. эмиссия повысилась не более, чем на 30 проц. (с $27^1/_2$ до $35^1/_2$ миллиард. ливр.), а ценность упала более чем на 130 проц. (вместо 22,8 тыс. 53,3 тыс. за 100 металл. ливр.).

Говоря о ценности бумажных денег, нужно однако иметь в виду, что она может выражаться двояким образом: с одной стороны, в покупательной ценности бумажных денег внутри страны, а с другой стороны, в расценке их на иностранную валюту. Между уровнем той и другой ценности, внутренним и заграничным, может существовать значительное расстояние. Так, весной 1917 г. наш бумажный рубль заграницей расценивался в 55 коп., в то время как покупная способность его внутри страны равнялась не более 25 коп. Год спустя наш рубль стоил на иностранных рынках около 20 коп., а покупная способность его внутри страны не превышала 5 коп. Еще в феврале 1919 г. на женевской бирже 100 руб. расценивались в 50 фр., т. е. в 18—19 коп. золотом, успели следовательно упасть всего в 5 раз, тогда как покупная способность их внутри страны успела к тому времени сократиться в 300 и более раз.

Столь высокая сравнительно расценка русского рубля заграницей в течение продолжительного времени об'яснялась тем, что во время войны Россия пользовалась финансовой поддержкой союзников, а позже была почти совсем отрезана от Западной Европы, так что русские деньги не могли проникнуть в большом количестве заграницу. Когда

же были вновь открыты Босфор и Дарданеллы и снова установилась связь между черноморскими портами, то курс рубля стал резко падать, ибо нужда наша в иностранных товарах была крайне велика, тогда как мы взамен этого могли дать лишь весьма немного,

Таким образом состояние платежного баланса сыграло здесь большую роль. Оно является существенным фактором при установлении расценки бумажных денег в иностранной валюте.

Это подтверждается и данными, которыми мы располагаем относительно германской валюты за последние годы. В то время, как во время войны мы замечаем первоначально параллелизм в изменениях ценности марки внутри страны и заграницей, в дальнейшем они значительно расходятся. Если мы возьмем курс марки к 1 января каждого года, то получим следующие цифры. В 1915 г. он составлял, принимая Июль 1914 г. за 100, внутри страны 93, заграницей 91, в 1916 г. 72 и 70, но в 1917 г. уже 59 и 69, в 1918 г. 49 и 74, так что покупательная сила марки в Германии падает гораздо сильнее, чем расценка ее на иностранных рынках. В 1919 г. получается уже всего 38 и 49, в 1920 г. 16 и 7 и в 1921 г. 9 и 7; в последние два года соотношение между той и другой расценкой резко изменяется: заграницей марка уже стоит—в противоположность всему предшествующему периоду—гораздо ниже, чем внутри страны.

И тут расхождение между покупной способностью внутри страны и ценностью бумажных денег, выраженной в иностранной валюте, обусловливается тем, что падение ценности первого рода вызывалось «инфлацией», пресыщением рынка бумажными деньгами, которых было выпущено слишком много, по сравнению с предложением товаров на рынке, тогда как падение курса заграницей было последствием весьма невыгодного для Германии платежного и торгового баланса. Конечно, известная связь между обоими расценками существует и падение ценности внутри страны влияет и на положение валюты за границей. Недостаток

товаров оказывает влияние и в том и в другом случае и чрезмерный выпуск бумажных денег отражается и на курсе ее заграницей. Но все же связь между ними лишь частичная. В первом случае вся суть заключается в инфляции. К началу войны в Германии имелось в обращении банкот на 2 миллиарда марок. С другой стороны блокада Германии, установленная странами антанты, лишила ее возможности экспорта, а отсюда получилось понижение вексельного курса.

Положение валюты, т. е. курс ее заграницей, находился в связи и с явлениями политического характера, ибо все те политические события, которые укрепляют доверие к стране в смысле благоприятного экономического и финансового развития ее, тем самым улучшают и ее валюту. Поэтому то победы и поражения во время войны, надежды на близкий мир и т. д. отзываются на курсе, тогда как на ценность денег внутри страны они могут не оказывать влияния.

Во время войны воюющие страны, за исключением одних лишь Соединенных Штатов, как и многие нейтральные державы, перешли к бумажным деньгам, прекратив размен банкнот на золото; выпуск неразменных бумажных денег в большом количестве вызвал их обезценение, что отразилось как в росте цен, так и в ухудшении вексельных курсов.

Если возьмем таблицу вексельных курсов в Нью-Йорке в апреле 1921 г. то увидим, что, по отношению к американскому доллару, валюта всех других стран значительно понизилась. Так за 1 франк вместо паритета в 19,30 центов давали всего 7,62 цент. (Бельгия), 7,59 (Франция) и даже 4,84 (Италия), тогда так 17,45 цент. на Швейцарию. Еще более упала германская марка и австрийская крона—первая вместо 23,83 цент. стоила всего 1,52 цент., вторая вместо 20,26 цент. только 0,02 цент. Но по отношению к доллару упал даже английский фунт стерлинг., как и валюта нейтральных стран—доллар во всей Европе получил премию. Так фунт ст. вместо 4,86 долл. стоил 3,95, крона шведская вместо 26,80 цент. 23,25, датская 18,10 цент., гульден нидерландский вместо 40,19 цент. 35,07, а пезета испанская вместо 19,30 цент. 13,95.

Глава VI.

Способы возвращения к металлической валюте.

До войны страны с бумажноденежным обращением всегда старались возможно скорее освободиться от него, от этого бича, действие которого сравнивали с чумой и холерой, ибо обезценивающаяся денежная единица лишает возможности создать какой бы то ни было подсчет, уничтожает тот инструмент, которым измеряются все ценности. Принимали всевозможные меры к восстановлению металлического обращения, к возвращению к безостановочному размену бумажных денег на звонкую монету.

Для этого было несколько путей. Прежде всего государство старалось поднять курс бумажных денег, постепенно снова уравнить их с звонкой монетой. Это имело место в Англии в начале 20-х годов XIX ст. Война с Францией, которую Англия вела с 1793 года и которая создала увеличение государственного долга Англии всего за четыре года 1793—96 г.г. на 135 милл. ф. ст., вызвала расстройство в денежном обращении Англии. Вследствие больших расходов государства в особенности на армию и на поддержку союзников, английский платежный баланс ухудшался. Английское правительство вынуждено было черпать все большие суммы из Английского Банка, а так как эти суммы предназначались для платежей заграницей, то золотой запас Английского банка все более сокращался и в начале 1797 г. упал до 1,3 милл. ф. ст., тогда как банковых билетов имелось в обращении на $8^1/_2$ милл. ф.

Пришлось прекратить размен банкнот на звонкую монету в 1797 г.. Банкноты впрочем не имели принудитель-

ного курса, т. е. прием их являлся не обязательным, но в виду заявления наиболее крупных Лондонских комерсантов о своей готовности принимать платежи в любых размерах в банкнотах Английского банка, эти банкноты продолжали попрежнему заменять монету и первоначально никакого лажа не было. Лишь в первое десятилетие XIX ст. обнаружилась разница между ценностью банкнот и звонкой монеты, но и она большею частью составляла не более 10 проц. и максимума достигла в 1813 г., когда 100 ф. в банкнотах равнялись 71 ф. в звонкой монете, и вексельный курс на Париж спустился на 30 проц. ниже паритета. Уровень товарных цен значительно повысился, но в этом отношении большую роль сыграла установленная Наполеоном Континентальная блокада, лишившая Англию подвоза иностранного хлеба и вызвавшая в стране в некоторые годы голод.

Однако такое положение продолжалось в Англии недолго. Блестящий расцвет ее промышленности и торговли (это была эпоха появления машин и фабрик) очень скоро привел к улучшению торгового баланса и к приливу золота в Английский банк и вскоре после падения Наполеона и заключения мира, директора Английского банка заявили о возможности вернуться к размену банкнот на звонкую монету. Курс последних, постепенно повышаясь, в 1817 г. уже достиг 97 проц. их нарицательной цены и хотя, по закону 1819 г., размен должен был возобновиться лишь в 1822 г., но фактически он был открыт годом раньше.

И другим странам, Пруссии, Соединенным Штатам (после междоусобной войны 60-х г.г. XIX ст.) удавалось довести до паритета свою бумажную валюту и совершить консолидацию, восстановить размен на прежних основаниях. Во всех этих случаях ценность бумажных денег успела понизиться лишь в небольших размерах и благодаря накоплению металлического фонда и из'ятию части бумажных денег из обращения (в Англии последнего не было), а также благоприятным экономическим условиям страны, курс их постепенно повышался, пока не дошел до паритета.

Но когда обезценение бумажных денег совершилось в крупных размерах, тогда поднятие бумажных денег до уровня металлических является делом невозможным и даже опасным и в том случае, если накоплен достаточный металлический запас для размена. Ведь при таком обезценении бумажных денег весь хозяйственный оборот приспособился к этой низкой ценности валюты и восстановление ее до паритета вызвало бы новый и притом весьма резкий переворот во всей хозяйственной жизни страны. При обесценении бумажных денег кредитные операции немыслимы, ибо всякий, давая ту или другую сумму в кредит, при получении ее обратно по истечении известного срока значительно теряет на том обезценении валюты, которое произошло за истекший промежуток времени. Это каждый из нас знает и чувствует в настоящее время—несвоевременная уплата нам какой-либо суммы денег обозначает для нас всегда убыток. Но представим себе, что произошло бы, если бы мы вздумали консолидировать в настоящее время наш рубль и если бы должник вынужден был бы уплачивать долг в рублях, размениваемых на золото по паритету, т. е. рубль за рубль. Ведь это было бы невероятное обогащение кредиторов и огромный убыток для всех, кто обязан произвести платеж. Он сам получил сумму в обезцененных рублях, а вынужден платить настоящими, золотыми рублями.

Но не только при том положении, в котором находится наш рубль в настоящее время, консолидация немыслима. Даже западно-европейские государства, где обезценение денег далеко не дошло до таких пределов, как у нас, где бумажные деньги, по сравнению с нашими стоят чрезвычайно высоко, но все же значительно ниже паритета, о такой консолидации не думают. Первоначально правда, напр., в Германии говорили о необходимости извлечения излишних бумажных денег, о так называемой дефлации и о доведении курса их до паритета. Но дальнейшее падение их ценности, в связи с новыми выпусками, вызванными крупными дефицитами в бюджете, заставило отказаться от этой мысли.

В начале 30-х годов XIX ст. у нас была сделана попытка поднять курс ассигнаций и постепенно снова уравнять их с звонкой монетой. Однако, не смотря на из'ятие из обращения и уничтожение части ассигнаций, ассигнационный рубль повысился лишь на несколько копеек, так что к уравнению «с достоинством серебра» он очень мало приблизился. В виду такой неудачи, прибегли к другому способу восстановления металлической валюты—к девальвации. В этом случае курс бумажных денег не поднимается до уровня металлических, а узаконивается в таком виде, как он существует: берется та рыночная цена, которая установилась в обмене и на этом основании восстанавливается размен бумажных денег на звонкую монету.

Так, у нас в 30-х годах в обращении давали обыкновенно за серебряный рубль четыре ассигнационных рубля и такое приравнение последнего к четвертой части серебряного рубля можно было считать установившимся. По этому действительному курсу и решено было производить размен на серебро, за четыре ассигнационных рубля давать при пред'явлении их к размену один серебряный. Однако, в виду того, что это не соответствовало надписи, имевшейся на ассигнациях, где указано было, что они равны рублю, а не 25 коп., необходимо было предварительно заменить их новыми бумажными деньгами. Были выпущены кредитные билеты, на которые были обменены ассигнации по расчету кредитный рубль—3 р. 50 коп. ассигнациями, а кредитные рубли уже разменивались на серебро по паритету, рубль за рубль.

Впоследствии со времени Крымской войны у нас обнаружилось снова обезценение бумажных денег, выпускаемых с 1843 г. кредитных рублей, размен на звонкую монету был снова прекращен. В 90-х годах XIX ст. была произведена новая девальвация. Введена была золотая валюта и установлен был размен бумажных денег на золото по той стоимости, которую имел кредитный рубль в золоте. Следовательно, и теперь кредитный рубль не был поднят до своей номинальной цены (т. е. до одного рубля золотом),

а признана была его рыночная ценность, его отношение к золотой монете в виде 5 руб. золотом. равных $7^1/_2$ руб. кредитных. По такой золотой стоимости кредитного рубля и был произведен выкуп бумажных денег, причем извлечено было из обращения кредитных билетов более, чем на 400 миллионов рублей. Однако в противоположность девальвации 40-х годов, теперь не было выпущено новых кредитных знаков, а изменена была металлическая денежная единица: правительство понизило на одну треть вес золотого рубля и таким образом курс нового золотого и старого кредитного рубля сравнялся, и на этом основании установлен безостановочный размен кредитных билетов на золото, который и совершался вплоть до начала мировой войны 1914 г.

Нужно однако иметь в виду, что девальвация 90-х годов прошла и завершилась удачно лишь потому, что она уже предварительно произошла в самом народном хозяйстве; курс бумажного рубля установился, фиксировался на определенном уровне и с этим курсом можно было считаться как с реальной величиной, исходить из него как из принятого населением уровня. Самой девальвации предшествовало разрешение сделок на золото таким образом, что платеж производится либо в золотой монете, либо в бумажных деньгах по тому курсу, который они имеют в данный момент. Этим путем старались ввести в обращение золотую монету и приучить население к той идее, которая клалась в основу при предстоявшей девальвации, создать благоприятную для последней обстановку. Уже в 80-х годах вносились в Государственный Совет законопроекты о допущении сделок на золото, причем подчеркивалось, что хотя кредитный рубль и обезценен, но он достиг известного уровня, ниже которого он не падает, так что обладает устойчивым курсом, к которому приноровлены все сделки и этот курс уже можно признать и исходить из него. Но Государственный Совет тогда не соглашался на эти предложения, находя, что еще не достигнута та устойчивость в расценках, которая должна быть на лицо для

того, чтобы реформа денежного обращения стала возможной и чтобы население отнеслось к ней с доверием. Только в 90-х годах эти условия оказались на лицо и в 1895 г. были разрешены сделки на золотую валюту.

Из приведенного видно, что главным условием успешной девальвации является стабилизация курса бумажных денег и там, где происходит дальнейшее обезценение их и курс их с каждым днем меняется, ни о какой девальвации и речи быть не может. А к этому присоединяются и другие предпосылки, само собою разумеющиеся—прекращение дальнейших выпусков бумажных денег и наличность достаточного для размена золотого фонда. Ко времени произведенной у нас в конце 90-х годов девальвации такой золотой фонд уже был на лицо, вся наша экономическая политика предшествующих лет была направлена к привлечению золота в страну и к созданию значительных запасов его. Ясно, что не только у нас, но и во многих странах Западной Европы, где курс бумажных денег продолжает падать, бюджетные дефициты велики и требуют каждый раз новых эмиссий, а золотой запас незначителен, о девальвации пока говорить не приходится.

С такой девальвацией в тесном смысле, построенной на возвращении к металлической валюте, имеет мало общего т. наз. бумажная девальвация или деноминация, выражающаяся лишь в замене одних денежных знаков другими, столь же мало обезпеченными, как и первые. Конечно, известный смысл имеет и эта операция, устраняющая старые деньги, которые успели утратить свой авторитет у населения, и упрощающая всякие расчеты, ибо счет цифрами с многими нулями затруднителен и неудобен в особенности при сколько-нибудь крупных сделках. Но для того, чтобы такая деноминация имела какое-нибудь значение, необходимо и здесь прежде всего прекращение новых эмиссий, а по возможности и сокращение количества обращающихся бумажных денег. Если же выпуски новых денежных знаков и после этого будут продолжаться, то их вскоре постигнет судьба старых. История знает до-

вольно неудачный пример такой замены одних бумажных денег другими. Мы имеем в виду эпоху французской Революции, когда был проделан опыт замены обезценившихся ассигнатов «земельными свидетельствами», обезпеченными конфискованными землями, по курсу 30 франков ассигнатами за 1 фр. новыми свидетельствами. Однако уже вскоре после выпуска этих свидетельств за них платили всего 18 проц. их номинальной стоимости. Вскоре курс их упал еще более—до 5, а затем и до $2^1/_2$ проц. В следующем году как эти свидетельства, так и сохранившиеся еще в обращении ассигнаты, в виду потери и теми и другими своей ценности, были анулированы.

Такое анулирование обезценившихся бумажных денег является также одним из средств освободить страну от бумажноденежного обращения. Однако ему должна предшествовать не только фактическая нулификация, т. е. потеря всякой ценности бумажными деньгами, но и наличность звонкой монеты, которая могла бы их заменить. В этом случае никакого обмена бумажных денег не происходит, что конечно не может не нанести убытка населению. Но если фактически их уже перестали принимать и население окончательно потеряло к ним всякое доверие то иногда другого исхода нет. Во время Французской Революции однако этот образ действия был возможен, так как постепенно стала появляться в обращении звонкая монета и она заступила место ассигнатов и земельных свидетельств. Там, где этого условия нет, и анулирование бумажных денег едва ли возможно. Оно лишило бы население всякого орудия обращения, привело бы к периоду, предшествующему появлению денег.

Глава VII.

Государственная теория денег. Необходимо ли восстановление золотой валюты?

Все рассмотренные выше способы устранения бумажно-денежного обращения и возвращения к звонкой монете исходят из того предположения, что здоровая валюта может покоиться единственно на металле, что последний является единственным реальным масштабом ценности товаров и услуг, почему допустимы только такие не металлические деньги, которые имеют металлическое покрытие, т. е. могут быть в любой момент обменены на золото. Однако еще за несколько лет до войны немецкий экономист Кнапп выступил против этой точки зрения, выдвинув против «металлической» теории денег, исходящей из того, что ценность их покоится на металле, свою новую «государственную» или «хартальную» теорию. Последняя утверждает, что суть денег заключается отнюдь не в металлическом содержании их, а в том, что государство, устанавливая определенный правопорядок, признает их платежным средством и само принимает их во всех производимых в его кассы платежах. Связь между ценностью денег и содержащимся в них металлом давно уже разорвана, даже так наз. полноценные деньги и те обнаруживают допускаемые законом отступления от положенного содержания металла и ценность их, вследствие, этого вовсе не понижается. В техническом отношении деньги различаются в зависимости от того, из чего они сделаны, но это обстоятельство имеет лишь второстепенное значение. Ценность их определяется «номиналом» и построена на авторитете

государственной власти и имеет юридический характер. Отсюда номиналистическо-хартальная система современного денежного обращения. Ей предшествовала монетная система, которая являлась переходным периодом от «пенсаторного» способа платежей к «хартальному», т. е. от уплаты в металле путем взвешивания его и определения количества его в слитке к уплате деньгами любого рода установленными и признанными государством.

Кнапп предостерегает однако от вывода, будто государственная теория денег предлагает заменить металлическое денежное обращение бумажным. Государственная теория не дает никаких советов относительно того, какой вид денег следует ввести в обращение, а лишь выясняет, что является общим для всех этих видов,—роль государства и прием их государственными кассами. Но эта теория не ограничивается и одним лишь анализом материалов, из которых деньги выделываются, что только и интересует металлистов. Задачи государства не сводятся к производству денежных единиц, они гораздо шире и заключаются в регулировании всей системы платежей—это «литрическая» область государственного управления.

В частности в состав последней входит принятие мер к укреплению вексельного курса. Всякая денежная система, которая об этом не заботится или плохо выполняет эту задачу, неудовлетворительна. Бумажноденежное обращение, характеризуемое наличностью большого количества неразменных бумажных денег, является с точки зрения Кнаппа «политическим несчастьем», которое составляет последствие бюджетных дефицитов. Но зло этой системы заключается не в наличности бумажных денег, как учат металлисты, а в расстройстве государственного хозяйства, которое не в состоянии покрывать свои расходы поступлениями, и, конечно, необходимо всячески стремиться к восстановлению равновесия в бюджете. Это важно потому, что при таких условиях государство не в силах и поддерживать свой вексельный курс, так что вся «литрическая» область приходит в упадок. Это и есть то, что обычно именуют бу-

мажно-денежным обращением, но название это заимствовано от несущественного побочного обстоятельства.

В противоположность Кнаппу, ученики и последователи его пошли гораздо дальше—они отрицают необходимость золотой валюты, размена банкнот на золото. И с предложением отказаться от металлического обращения и перейти к неразменным бумажным деньгам они выступают не только в настоящее время, когда Версальский мир, огромные бюджетные дифициты и в связи с этим новые выпуски бумажных денег сделали для Германии восстановление золотой валюты, по крайней мере в ближайшее время, делом совершенно невозможным, но уже во время войны, когда все, в том числе и они сами, были убеждены в победе Германии и в возможности возвращения народного и государственного хозяйства Германии к тем благоприятным условиям, в каких оно находилось до войны. В то время, как «металлисты» тогда еще расчитывали на доведение бумажных денег после войны до паритета и возобновление размена их на звонкую монету, «номиналисты» признавали это излишним, предлагая закрепить то положение, которое создалось во время войны, и на будущее, мирное время.

Они утверждают, что война блестяще подтвердила теорию Кнаппа, что она будет концом научного «металлизма», ибо она показала, что государственная теория является аксиомой, которую можно так же мало оспаривать, как таблицу умножения. Сохранение размена банкнот на золото оказалось совершенно не нужным, ибо в Германии население не только не требовало размена их на звонкую монету, а напротив добровольно несло свое золото в количестве многих сотен миллионов в имперский банк для обмена его на бумажные деньги. Этим самым была высказана идея, что обращение золотой монеты является излишним, что золото должно находится не в обороте, а в имперском банке, что оно является не индивидуальным, а национальным достоянием.

Еще знаменитый английский экономист Рикардо в начале XIX ст., когда речь шла о восстановлении золотой

валюты в Англии, высказывался в том смысле, что следует возобновить размен банкнот, но только не на золотую монету, а на золото в слитках. Он не сомневался в том, что население предпочтет банкноты слиткам, пользоваться которыми было бы крайне неудобно, и хотел этим путем устранить золото из обращения. Рикардо усматривал прогресс в области денежного обращения в том, что оно все более и более эмансипируется от употребления благородного металла и этот ценный об'ект заменяет предметом, лишенным ценности. Введение благородных металлов в качестве орудий обращения—говорит он—было важным шагом вперед на пути цивилизации, дальнейшим шагом должна быть замена их бумажными деньгами.

Предложение Рикардо не прошло. Новый шаг в том же направлении был однако сделан Австрией, которая в 1892 г. ввела золотую валюту, однако, весьма своеобразного типа, т. наз. Goldkernwährung—валюту с «золотым ядром». Банкноты были обезпечены золотым фондом, но этот фонд хранился в государственном банке и предназначался для платежей заграницу, ибо в международных сношениях золото является единственным платежным средством, банкноты же имеют силу лишь в пределах страны. Эти банкноты не подлежали размену, так что золотого обращения в стране не существовало. Получалась бумажноденежная система, но только выраженная в золоте.

Во время войны и после нее в Германии стали раздаваться голоса в пользу создания такой валюты с золотым фондом, покоющейся на золоте, но без золотого обращения, с банкнотами неразменными, но обезпеченными золотом. В этом золотом фонде центрального банка заключается залог доверия; хотя фонд этот ни для кого не доступен, но он поддерживает это доверие к выпущенным государством банкнотам. Ценность их держится наравне с металлическими деньгами, ибо служащие и кредиторы государства вынуждены их принимать, а прочие берут их добровольно, полагаясь на то, что они являются законным платежным средством. Мало того, такая система имеет ту

выгоду, что не может возникнуть недостатка в платежных средствах, ибо ее всегда легко устранить, опасность же чрезмерного увеличения бумажных денег может быть избегнута посредством установления максимума выпускаемых банкнот.

Другие идут еще дальше и считают целесообразным полное упразднение золотой валюты, отказ даже от золотого фонда в качестве обеспечения. Исходя из того, что деньги не должны иметь материальной ценности, а являются лишь государственным платежным средством и что государство может наделить любые знаки платежной силой и тем самым придать им свойства денег, они считают возможным отказаться от всякого покрытия банкнот. Что же касается чрезмерных выпусков бумажных денег, которые могут переполнить каналы обращения, раз никакое покрытие не является обязательным, то они находят, что при правильном взгляде на сущность и функции денег правительство могло бы издать законы, которые устранили бы возможность злоупотребления печатным станком и это являлось бы лучшей гарантией, чем золотое обеспечение.

Эти предложения однако остаются не без возражений со стороны н. наз. «металлистов». Последние готовы согласиться с тем, что деньги в качестве законного платежного средства не нуждаются ни в каком материальном субстрате. Но вся суть заключается в том, могут ли пользоваться эти лишенные внутренней ценности деньги таким же доверием, как деньги с материальной ценностью и будут ли они отличаться к такой же устойчивостью, как и последние? Государство, конечно, имеет намерение поддерживать по возможности ценность бумажных денег на одном уровне с металлическими, но удастся ли ему это? Оно в состоянии определить номинальную ценность бумажных денег, но отнюдь не реальную, не покупательную стоимость их, которая есть всегда результат доверия, одного лишь доверия, тогда как металлические деньги имеют реальную ценность. Но может ли ценность денег, основанных на доверии, стоять столь же высоко, как ценность реальных

денег, когда масса бумажных денег всегда зависит от усмотрения государства? Денежное обращение с «золотым ядром» не может улучшить дела, ибо один голый факт существования золотого фонда без размена банкнот не обеспечивает доверия к прочности обращающихся банкнот.

«Металлисты» напротив указывают на то, что если война кое-чему научила, то результаты говорят не в пользу «хартальной» теории, ибо именно во время войны валюта той или другой страны оказалась тем устойчивее и прочнее, чем более банкноты опираются на металлический базис, чем больше их металлическое покрытие.

Нельзя отрицать того, что металлисты в настоящее время идут на значительные уступки. Они уже не стоят на той почве, что покупательная сила неразменных бумажных денег и их внешний курс зависят от того, как велик тот золотой фонд, который служит для них обезпечением Признают, что, когда размен на золото становится уже невозможным, то золотой запас утрачивает свое значение и перестает оказывать регулирующее влияние на курс бумажных денег, который начинает уже складываться под влиянием других причин. «Вот почему нет ничего удивительного в том, что курс германской марки расценивался в свое время относительно ниже курса франка, несмотря на то, что марка была тогда лучше обезпечена золотом. Точно также нет ничего удивительного и в том, что заграницей русский рубль расценивался, напр., в марте 1918 г. в 21-24 прежних копеек, между тем, как к тому времени наше билетное обращение достигло уже 30 миллиардов, а золотой фонд составлял только $1^1/_4$ миллиарда руб. и, следовательно, на каждый рубль приходилось менее 5 коп. золотом». Они согласны и с тем, что «абстрактная денежная единица» в лице бумажных денег, «раз возникнув на основе металлического обращения и отразившись в ценах товаров, может затем функционировать, хотя бы она и оторвалась уже от своего вещного основания. Даже тогда, когда государство чрезмерными выпусками бумажных денег колеблет эту денежную единицу, она все же сохраняет по

традиции в сознании людей некоторую определенность». Этой «традицией» только и об'ясняется тот факт, что, несмотря на полное отсутствие такого вещного фундамента, и несмотря на огромнейшую эмиссию, бумажные деньги могут сохранять еще некоторую ценность.

Глава VIII.

Современная валютная неурядица в мировом хозяйстве. Положения, принятые генуезской конференцией.

Сто лет тому назад великий экономист Рикардо утверждал, что о денежном обращении писалось так много, что законы денежного обращения должны быть, казалось бы, ясны всякому. С тех пор о денежном обращении писали еще гораздо больше, литература о деньгах достигла неимоверных размеров—каждый денежный кризис в какой-либо стране и каждая попытка оздоровления искалеченных денег производили на свет обилие сочинений. И более всего, как и следовало ожидать, наводнение книжного рынка литературой о деньгах имело место во время мировой войны и после нее. Невероятному дождю бумажных денег соответствует и дождь сочинений о них. И все же, как мы видим, вопрос о том, как быть дальше, еще далеко не выяснен.

Но из этого еще вовсе нельзя делать вывода, что наука безсильна и что она все равно помочь делу не может, а потому лучше всего попросту «пустить ее в трубу» и положиться на «здравый смысл», забыв о мудрости ученых. Нет, более чем столетний опыт реформ в области денежного обращения, происходивших в самых различных странах, учит тому, что из затруднительного положения находили выходы, что испорченные денежные системы удавалось починить. Но та же история болезней в области денежного обращения и способов их исцеления свидетель-

ствует о том, что «развязка бумажно-денежного узла» вещь весьма сложная и трудная, что она требует больших жертв и великих усилий и что для государства в сущности «свободы действий нет»—избираемое им в каждом данном случае средство зависит от характера и состояния болезни. Мудрость государственной политики заключается в том, чтобы правильно поставить диагноз состояния денежного обращения и угадать, какую реформу денежного обращения наметила сама жизнь. Вредно «донкихотство» в этой области, издание законов, идущих в разрез с состоянием хозяйственной жизни, опасна и трусость перед сложностью операции, боязнь того хирургического ножа, который необходимо применить на теле народно-хозяйственного организма.

Будучи орудием обмена, деньги являются необходимым и важным элементом современной хозяйственной жизни и всякая попытка вернуться к непосредственному товарообмену неминуемо обречена на неудачу, означает возвращение к более примитивным формам экономического уклада. Но самое применение денег в народном хозяйстве и не могло бы вызвать сколько-нибудь существенных возражений и стремления обойтись без них, если бы государство не злоупотребляло этим орудием обращения, неделало его каждый раз источником государственных доходов. Тем самым оно заставляет деньги играть иную, противоречащую их сущности, роль, портит и искажает это орудие обращения и лишает его возможности выполнять правильно свои задания, служить платежным средством и мерилом ценности. Конечно, государство поступает так под влиянием нужды, в годы, когда потребности его, в особ. связанные с войной, растут, а средств для удовлетворения их не имеется в достаточном количестве Можно было бы для покрытия дефецита обратиться к налогам и к займам, но займы добровольны и нужны люди, которые согласились бы их платить, налоги, правда, принудительны, но многие из них таковы, что и тут население может уклониться от уплаты, не потребляя соответ-

ствующих продуктов. К тому же налоги поступают не сразу, надо ждать, а нужда не терпит, по займам же необходимо платить проценты, тогда как при помощи эмиссии денежных знаков можно получить сразу необходимые суммы и притом без уплаты процентов.

В этом то заключается все несчастье—если бы деньги не отличались этими свойствами давать немедленно нужную сумму государству и притом открывать ему кредит безпроцентный, они не превращались бы из орудия обмена в источник государственных доходов, а могли бы спокойно выполнять те функции, для которых они появились на свет. А так они становятся орудием кредита, который государству не стоит ничего и все же обходится очень дорого. Процентов платить не приходится, но расплачиваться приходится разстройством всего государственного и народного хозяйства. Для населения же бумажные деньги с падающим курсом тот же налог, и притом едва ли не наиболее тяжелый. Наконец и кредит, получаемый государством в форме бумажных денег, таков, что он приводит к банкротству должника. Уже девальвация—мы не говорим об аннулировании—есть ничто иное, как частичное банкротство государства. Выпуская бумажные деньги, государство обещало уплатить за них по номинальной цене золотом или серебром, т. е. в будущем возстановить размен их на металл, превратить их снова в разменные банкноты. Но для этого нужны, как мы видели, особо благоприятные условия и если их не имеется, если государство не в состоянии из'ять часть бумажных денег из обращения и сжечь их, то оно не выполняет своего обещания полностью, а переводит в металлическую валюту только часть бумажноденежной единицы, остальная же испаряется, пропадает для кредитора—населения. Государство превращается в несостоятельного должника, который не может уплатить рубль за рубль, а вынужден «ломать рубль». Наконец, эмиссия бумажных денег это источник, который с течением времени, вследствие падения их ценности, все более оскудевает, так что доход государства сокращается. Это пока-

зал опыт французской революции, это мы можем наблюдать и у нас. Количество бумажных денег растет, но их ценность, выраженная в золоте или в товарах, падает. Государство усиленным выпуском расчитывает нагнать это и получить нужную ему сумму, но реальная ценность последней в его руках тает все более и более—печатный станок не в силах угнаться за падением курса.

Так к 1 Января 1918 г. у нас имелось бумажных денег в обращении на 27 миллиард. руб., к 1 января 1919 г. уже на 61 миллиард—но эта эмиссия в 34 миллиарда дала всего 525 миллион. руб., если расчитывать их по золотому эквиваленту. В следующем 1919 г. эмиссия составила уже 164 миллиарда, т. е. возросла в пять раз, а золотой эквивалент равнялся всего 380 миллион. р., т. е. упал более, чем на четвертую часть. В 1920 г. печатный станок заработал еще скорее и выбросил бумажных денег почти на триллион (на 944 миллиарда), но увы, ценность их в золоте не превышала 186 миллион. руб. Там возростание почти в шесть раз, здесь сокращение на половину. И наконец в 1921 году эмиссия превысила 16 триллионов (увеличение в 16 раз) и дала каких-нибудь 140 милл. золотом, т. е. еще меньше, чем в предыдущем году. Итак, непрерывный рост количества знаков, по старой памяти именуемых рублями, хотя ничего общего с ними не имеющих, и непрерывное уменьшение действительных золотых рублей.

После войны все страны разбились на два лагеря, на страны «богатые и бедные»—на страны с упорядоченным денежным обращением или с таким, которое выздоравливает и не сегодня—завтра вполне восстановится, и на страны, где болезнь проходит в более или менее тяжелых формах и где о нормальном состоянии пока еще и говорить не приходится. Известное представление об этом дает сопоставление металлических запасов эмиссионных банков и количества обращающихся банкнот до войны и в настоящее время (в начале 1922 г.)—в миллионах фунт. стерл. по довоенному паритету.

	Золотые запасы		Банкноты	
	до войны	в настоящее время.	до войны	в настоящее время.
Соединенные Штаты.	47,7	585,6	558,5	532,2
Великобритания . .	35,0	128,4	29,0	126,5
Голландия.	12,9	50,5	26,0	83,0
Швейцария. . . .	7,6	22,0	10,9	39,0
Япония	23,0	126,1	36,2	110,0
Швеция	5,7	15,3	12,4	34,5
Норвегия.	2,7	8,2	6,2	22,5
Дания.	4,1	12,7	8,7	26,0
Испания	47,8	100,5	75,0	170,0
Франция.	165,8	221,0	230,0	1,491,0
Бельгия	12,3	13,1	37,0	248,0
Италия	60,4	56,1	59,5	543,0
Германия.	71,1	49,7	99,0	5.700,0

Положение не только Соединенных Штатов, но и нейтральных государств и наконец Англии и Японии вполне благоприятно. Франция, Бельгия и Италия находятся в менее удовлетворительных условиях. Состояние же Германии как и Австрии, Чехо-Словакии, Польши крайне тяжелое, угрожающее. Это видно напр. из того, что английский фунт стерл. во многих странах имеет дизажио, т. е. он расценивается несколько ниже, чем по довоенному паритету—сюда относятся Соединенные Штаты, Аргентина, Голландия, Швейцария. В таких странах, как Швеция, Дания или Испания, он имеет незначительную премию, т. е. расценивается немного выше, чем по довоенному паритету, во Франции и Бельгии эта премия составляет (к началу 1922 г.) уже более 100 проц., в Италии и Греции доходит до 300 проц. Но невероятных размеров она достигает в Чехо-Словакии (свыше 1000 проц.) Германии (3700 проц.) и в особ. Австрии (48000 проц.) и Польше (62000 проц.),

Для английского товарообмена высокая премия фунта составляет явление весьма печальное, ибо она обозначает соответствующие затруднения для английской торговли и

превращается в запретительную систему в таких странах, как Чехо-Словакия, Германия, Австрия, Польша. Привоз туда английских товаров немыслим, ибо цены их, выраженные на туземную низкую валюту, окажутся чрезмерно высокими, не могут выдержать конкуренции собственных произведений страны. Напротив, для этих стран с больной валютой открывается широкий рынок сбыта: низкая валюта всячески поощряет их экспорт. Отсюда повествования о «распродаже Германии», о том, какую «сказочную» страну она со своими «смешными» ценами составляет для американцев и англичан, приезжающих туда и превращающих свои доллары и фунты в огромное количество марок, о штурме на универсальные магазины, производимом в Германии, Австрии Чехо-Словакии, т. е. в странах с больной валютой, голландцами, швейцарцами, шведами, аргентинцами, японцами, приезжающими из стран со здоровой валютой, так что эти магазины приходится временно закрывать, чтобы пополнить их запасы, или устанавливать для иностранцев специальные надбавки к цене.

Отсюда, с другой стороны, жалобы, исходящие из стран с высоко стоящей валютой—Голландии, Швейцарии, Норвегии и т. д., что жители их стремятся в Германию и Австрию, чтобы там одеваться и покупать все нужное и собственная промышленность их страдает или же бежит в Германию, там устраивает отделения или получает произведенные в Германии полуфабрикаты. Отсюда и сетования бывшего английского канцлера казначейства Мак-Кенна, выступавшего в Чикаго, на то, что германские платежи не благословение, а проклятие для Англии, что Англия, вследствие безработицы двух миллионов людей, теряет более того, что она когда-либо получит от Германии в течение 30 лет. Для уплаты репараций Германия выпускает новые количества марок, курс марки падает и в результате Германия подводит и английскую и американскую торговлю и создает безработицу. Она платит репарации, но за чей счет? Наконец, отсюда и таможенные меры в странах с высокой валютой против dumping'a. Прежде по-

следний выражался в продаже заграницей товаров по пониженным ценам, теперь товары сбываются по цене внутреннего рынка, но и такая продажа произведений стран с низкой валютой означает подрыв для хозяйства других государств—приходится устанавливать особые надбавки для товаров, происходящих из Германии или Австрии. Дело доходит до утверждения французов, что Германия намеренно роняет курс своей марки в интересах своего экспорта.

Все эти обстоятельства не могут не наводить и страны со здоровой валютой на весьма печальные размышления. А к этому надо еще прибавить постоянные и резкие колебания вексельных курсов, превращающие всякие торговые операции в азартную игру. В 1921 г. вексельный курс в Лондоне на Прагу колебался между 262 и 430 крон, на Берлин между 212 и 1275 мар., на Вену между 1200 и 14 тыс. кр. и даже на Париж и Брюссель между 46 и 61 фр., на Рим между 72 и 109 лир. Недаром Ллойд-Джордж в одной из своих речей произнес известную фразу о том, что торговать при таких условиях все равно, что играть в биллиард на океанском пароходе во время бури—куда попадет шар, неизвестно, вероятнее всего он упадет на пол.

Валютный вопрос являлся центром тяжести и гвоздем всех международных конференций, столь обильно появившихся на свет после войны, так что говорят даже о новой исторической эпохе интернациональных совещаний и с'ездов, следующей за эпохой четырехлетней резни. Для всех, в том числе и счастливых стран с прекрасной валютой, ясно, что валютный вопрос есть вопрос мировой, и может быть разрешен лишь в мировом масштабе. Кровоточащая рана в виде германской или австрийской валюты заражает и другие части мирового хозяйственного организма, смертоносное дыхание, исходящее из одних стран, проносится и над всеми прочими—слишком тесными нитями связаны отдельные члены современного мирового хозяйства.

На генуэзской конференции были приняты следующие резолюции по валютному вопросу. Стабилизация ценности

денежной единицы в каждой стране является существенным условием экономического восстановления Европы. Желательно, чтобы все европейские денежные системы были построены на одном общем основании. Золото является единственным общим валютным основанием, которое в настоящее время может быть принято всеми европейскими странами. Европейские правительства должны теперь же об'явить, что создание золотой валюты является конечной целью, к которой они стремятся. До тех пор, пока ежегодный бюджет какого-либо государства будет сводиться с дифицитом, который будет покрываться выпуском бумажных денег, невозможно осуществить денежную реформу, почему самая главная задача состоит в ежегодном покрытии всех расходов. Для этого необходимо соответствующее обложение, но так как обложение может превосходить платежную способность страны, то, в целях равновесия бюджета, необходимо сокращение расходов. В некоторых странах сумма долгов такова, что невозможно уравновесить бюджет, не прибегая кроме того к внешнему займу, без которого нельзя будет достигнуть относительной стабилизации денежной единицы. Следующая мера будет состоять в том, чтобы фиксировать ценность денежной единицы по отношению к золоту. Эту меру можно будет провести в каждой стране только тогда, когда это позволит ее экономическое положение. Каждая страна непременно должна будет разрешить вопрос, принимает ли она прежний золотой паритет своей денежной единицы или новый паритет, близкий к ее ценности в данное время.

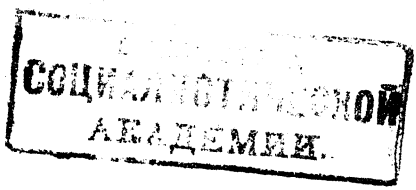
Таким образом генуэзская конференция наметила план валютной реформы для каждой страны. Она, как и все предыдущие конференции, исходит из золотой валюты, принимает сторону «металлической», а не «хартальной» теории. Для достижения цели возвращения к золотой валюте она признает в первую очередь необходимым добиться стабилизации курса денежной единицы, прекращения дальнейшего падения его, а это возможно лишь при прекращении эмиссии, т. е. при отсутствии бюджетных дефи-

цитов, устранение же дефицита достигается усилением налогов и сокращением расходов. Но так как во многих странах население сильно обеднело и поэтому чрезмерное напряжение налогового винта немыслимо, а сокращение расходов возможно лишь до известных пределов, то дефицит может все-таки остаться, и тогда внешний заем должен его покрыть, устраняя необходимость эмиссии. Когда этими подготовительными мерами будет достигнута стабилизация денежной единицы, наступает второй период самого выполнения валютной реформы: фиксация денежной единицы в золоте, причем допускается не только возвращение к прежнему паритету, восстановление ценности бумажных денег, что является уделом лишь немногих стран, но и девальвация, при которой принимается новый золотой паритет, соответствующий установившемуся курсу бумажных денег.

Генуэзская конференция ограничивается этими общими принципами, не указывая более подробно, какими путями каждая страна может и должна освободиться от неимоверного количества своих денежных знаков, которые ей не нужны и функции которых гораздо лучше могут выполняться небольшим количеством звонкой монеты, в особ. в условиях сократившегося оборота товаров. Это уже зависит от местных условий и не может быть установлено в общей формуле. Но генуэзская конференция устанавливает постоянное сотрудничество между центральными банками различных стран, в руках которых находится эмиссия. Там, где не существует такого банка (как напр. в России и некоторых окраинных государствах), необходимо, по мнению конференции, его учредить и из'ять эмиссию из ведения государственного казначейства, эмиссионный же банк должен пользоваться самостоятельностью, находиться вне всякого политического влияния. Английскому Банку предложено созвать с'езд эмиссионных банков, а в будущем необходимо создание международной конвенции в области валютных операций.

Соответственно этому, и у нас совершился поворот.

Возвращение к золотой валюте поставлено в качестве конечной цели, хотя в данный момент еще не осуществимой, но такой, к которой должны быть направлены все стремления. Золотая валюта заменила прежнюю идею безденежного обращения, упразднения денег. Тогда проводилась и мысль безденежного бюджета, упразднялись налоги, вводилась безплатность государственных услуг. Теперь все это сменилось здоровой политикой стремления к стабилизации курса, которая, как мы видели, является первым шагом к денежной реформе. Поэтому бюджет, построенный на налогах, государственные предприятия, исходящие из экономического расчета, платность, сокращение расходов. Словом, все, что ведет к устранению дефицита. Но если денежная реформа мыслима лишь при правильной финансовой политике государства, то последняя есть плоть от плоти экономической политики и без соответствующих мер в области народного хозяйства немыслима.

Литература по вопросам денежного обращения.

А. Вагнер. Русские бумажные деньги. И. И. Кауфман. Кредит, банки и денежное обращение. 1873. Его же. Кредитные билеты, их упадок и восстановление. 1888. Его же. Из истории бумажных денег в России. 1909. Его же. Серебряный рубль в России. 1910. Его же. Бумажные деньги в Австрии. 1913. Его же. Неразменные банкноты в Англии. Изд. 2-ое. 1915. Гурьев. Реформа денежного обращения. 1896. Его же. Денежное обращение в России в XIX веке. 1903. Грунвальд. Принудительный курс и восстановление валюты в Италии. Пер. под ред. Гурьева. 1896. Миклашевский. Деньги. 1895. Никольский. Русские бумажные деньги. П. П. Мигулин. Регулирование бумажной валюты в России. 1896. Бутми. К вопросу о денежной реформе. 1897. А. М. Рыкачев. Деньги и денежная власть. 1910. Гр. Дмитриев-Мамонов и Евзлин. Деньги. 1915. С. А. Фалькнер. Бумажные деньги французской революции. 1919. А. М. Смирнов. Кризис денежной системы французской революции. 1921. Диль. Золото и валюта во время и после войны. Пер. А. С. Кагана. 1921. А. А. Соколов. Обесценение денег, дороговизна и перспективы денежного обращения в России. 1920. М. И. Боголепов. Валютный хаос. 1922. Его же. Бумажные деньги. 1922. Его же. Европа после войны. 1921. Е. А. Преображенский. Причины падения курса нашего рубля. 1922.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. Возникновение и функции денег	3
II. Что является деньгами? Благородные металлы. Чеканка монеты. Монетная регалия	7
III. Ценность денег	20
IV. Монетные системы	36
V. Бумажные деньги	40
VI. Способы возвращения к металлической валюте	51
VII. Государственная теория денег. Необходимо ли восстановление золотой валюты?	58
VIII. Современная валютная неурядица в мировом хозяйстве. Положения, принятые на генуэзской конференции	65
Литература по вопросам денежного обращения	75

Издательство „Полярная Звезда“.

Думская, 5.

Вышли в свет:

1. **А. Л. Волынский.** Четыре Евангелия.
2. **Н. Н. Евреинов.** Первобытная драма германцев.
3. **Н. А. Некрасов.** «Каменное сердце» (повесть из жизни Ф. М. Достоевского) под редакцией и со вступительной статьей К. И. Чуковского.
4. **Н. А. Некрасов.** Неизданные произведения, под редакцией и со вступительными статьями В. Е. Евгеньева-Максимова и К. Чуковского.
5. **Анатоль Франс.** «Маленький Пьер», перевод М. А. Кузмина.
6. **А. Ю. Финн-Енотаевский.** Карл Маркс и новейший социализм.
7. **А. Ф. Кони** Память и внимание (Из воспоминаний судебного деятеля).
8. Проф. **И. М. Кулишер.** Денежное обращение в прошлом и настоящем.
9. **Вильгельм Вундт.** Мировая катастрофа и немецкая философия. Перев. с немецк. и предисловие Е. М. Браудо.
10. **К. И. Чуковский.** Футуристы.
11. **Сборник памяти А. А. Блока:** А. Блок. Неизданные стихотворения.—П. Медведев. Творческий путь Блока.—А. А. Блок. Автобиографическая справка.—П. Медведев. Дела и дни А. А. Блока.—Библиография.—Портреты, снимки и автограф.
12. **П. Губер.** Анатоль Франс. Критико-биографический очерк.
13. **Виктор Муйжель.** Детские рассказы (Детская библиотека «Полярной Звезды», № 2) (Распродано).
14. **Н. Хаммарстрем.** Курре и др. рассказы, перевод со шведского Елены Благовещенской (Детская библиотека «Полярной Звезды», № 1).
15. **Барбра Ринг.** Пейк. (Из жизни маленького норвежца). Перевод с норвежского Елены Благовещенской (Детская библиотека «Полярной Звезды», № 3).

Печатаются:

16. **Т. А. Богданович.** В. Г. Короленко. Биография.
17. Проф. **Е. В. Тарле.** Крестьяне и рабочие в эпоху Великой Французской Революции. 4-е переработанное и дополненное издание.
18. **Э. Ф. Голлербах.** В. В. Розанов. Критико-библиографический очерк.

19. **Анатоль Франс.** Юность Пьера. Перевод М. А. Кузмина.
20. **Н. Клюев.** Мать Суббота.
21. **Анна Ахматова.** Стихи 1922 г.
22. **В. П. Коломийцов.** Кольцо Нибелунга. Трилогия Р. Вагнера.
23. **Бальзак.** Озорные сказки. Перевод Ф. К. Сологуба.

Готовятся к печати:

24. **М. Е. Салтыков (Щедрин).** Неизданные письма к Некрасову и др., под редакцией и со вступительными статьями В. Е. Евгеньева-Максимова и К. И. Чуковского.
25. **А. Горнфельд.** Федор Сологуб.
26. Проф. **Е. Тарле.** Победители и побежденные (Европа после войны).
27. **В Э. Мейерхольд.** Воспоминания об Александре Блоке с приложением писем Блока к Мейерхольду.
28. **А. В. Оссовский.** А. К. Глазунов. К 40-летию композиторской деятельности.
29. **Д. М. Мусина** и **Э. А. Старк.** Изадора Дункан. Личность и творчество.
30. **Анатоль Франс.** Разговоры. Перевод М. А. Кузмина.
31. **Призвание поэта.** Книга стихов. Редакция Ф. К. Сологуба; силуэты и книжные украшения Е. С. Кругликовой.
32. **Н. Клюев.** Львиный хлеб. Сборник стихотворений.
33. **Федор Сологуб.** Стихи. 1922 г.
34. **М. Кузмин.** Статьи об искусстве.
35. **А. Ф. Кони.** Сведущие люди (Из воспоминаний судебного деятеля).
36. Проф. **Е. М. Браудо.** История музыкальных инструментов. Часть I. Клавишные инструменты.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НЕОБХОДИМЫХ ЗНАНИЙ.

Под редакцией проф. Н. Н. Георгиевского и проф. Н. А. Рынина.

37. **М. М. Зиборов** и **П. Рымкевич.** Электричество.
38. Проф. **Н. А. Яблоновский.** Телеграф.
39. **К. И. Копаневич-Селецкий.** Кинематограф.
40. Проф. **Н. А. Рынин.** Аэростат.
41. » » » » Аэроплан.
42. Проф. **Н. А. Яблоновский.** Телефон.
43. » » » » Беспроволочные телеграф и телефон.
44. **П. А. Рымкевич.** Радий.
45. **Л. Л. Малявзнов.** Автомобиль.